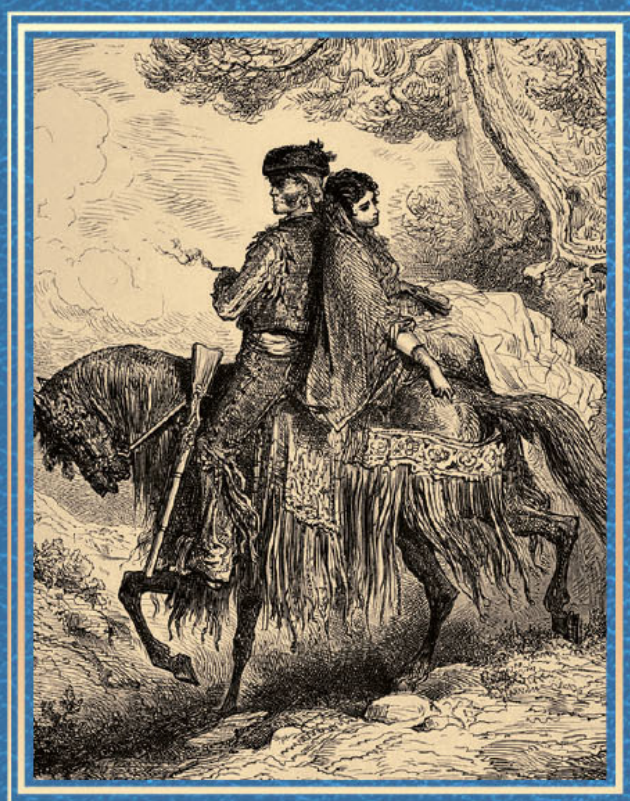

Поль Феваль

Капитан Фантом

Том 1

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Поль Феваль

Капитан Фантом. Том 1

«ВЕЧЕ»

1862

УДК 821.133.1-311.3

ББК 84 (4Фр)

Феваль П.

Капитан Фантом. Том 1 / П. Феваль — «ВЕЧЕ»,
1862 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-4938-3

1809 год. После вторжения французских войск на Иберийский полуостров Наполеон посадил на трон Испании своего брата Жозефа Бонапарта. Но гордые идалго Севильи и ее окрестностей не склонили своих голов и обратились за помощью к англичанам. С прибытием британского экспедиционного корпуса под командованием сэра Артура Уэлсли (будущего герцога Веллингтона) испанцев охватило новое недовольство. Они уже и сами не понимали, кого ненавидят сильнее – французов или англичан. Из хаоса интриг и предательств, окутавших страну, рождается легенда о таинственном и неуловимом капитане-призраке, сеющем повсюду страх и смуту. Очередной том «Мастеров приключений» представляет начало увлекательной эскапады плаща и шпаги Поля Феваля «Капитан Фантом». Книга относится к числу наиболее успешных историкоавантюрных романов писателя. Вскоре после первой публикации состоялась и «экранизация» – одноименная пьеса, где главную роль исполнил блистательный актер и фехтовальщик Этьен Меленг, лучший театральный д'Артаньян и Фанфан-Тюльпан XIX века. Роман «Капитан Фантом» на русском языке публикуется впервые.

УДК 821.133.1-311.3

ББК 84 (4Фр)

ISBN 978-5-4484-4938-3

© Феваль П., 1862

© ВЕЧЕ, 1862

Содержание

Часть первая	9
I	9
II	19
III	30
IV	40
V	52
VI	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Поль Феваль

Капитан Фантом. Том 1

© Мерзон Л.И., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2026

Луи Февалю

Ты только что пережил страшную потерю. Посвящаю тебе эти строки, но не в качестве утешения, а лишь для того, чтобы они служили тебе memento1 о том, что у тебя есть брат и лучший друг

Часть первая Шотландские гренадеры

I Родник Сен-Жюльен

Далеко за вершинами Сьерра-де-Гредос¹ уходило за горизонт раскаленное солнце. Жаркий душный день июня 1809 года сменился вечером. Некогда плодородная равнина, раскинувшаяся вдоль течения реки у подножия гор, ныне являла собой чрезвычайно жалкое зрелище. Повсюду, насколько хватало глаз, земля превратилась в пустошь и напоминала выжженную саванну. Лишь две зеленые линии, Тьетар на юге и Альберче на юго-востоке, слегка оживляли иссушенный безводьем пейзаж, обозначая русла двух извилистых рек, которые неторопливо несут свои воды – главное богатство этих мест – в реку Тахо².

Между Монбельтраном и небольшой деревенькой Сен-Жак-су-Кабаниль, в самой западной части Старой Кастилии, в тени огромных деревьев прячется оазис, в центре которого бьет из-под земли родник Сен-Жюльен, он же Сан-Хулиан-де-Кабаниль. После полудня вокруг родника собралась целая толпа народу. Поводом для всеобщего сбора стала перестрелка, звук которой доносился со стороны Пласенсии. Желание поскорее узнать свежие новости побудило любопытных местных жителей бросить свои дела и бегом бежать к роднику.

¹ Горный хребет в Испании, часть системы Центральной Кордильеры (Cordillera Central). – Здесь и далее, кроме отдельно оговоренных случаев, примечания переводчика.

² Тахо (в Испании), она же Тежу (в Португалии) – главная река Пиренейского полуострова, протекающая по территории двух стран.

Собравшаяся толпа состояла из селян обоего пола и всех возрастов. Сюда же затесалось несколько монахов, а также некоторое количество добрых малых, под коричневыми накидками которых скрывались живописные наряды, какие в центральных провинциях Испании носят погонщики мулов, ремесленники, контрабандисты с португальской границы и бандиты из Сьерра-Невады. Знающие люди утверждают, что человек может без риска для жизни переждать сильную бурю, лежа между тигром и львом. В часы природных катаклизмов даже у гремучей змеи пропадает желание кусать свою жертву. Что-то похожее сейчас наблюдалось в Испании, пораженной невиданным кризисом, который буквально раздирал страну на части. Прекратилась старинная вражда, ушла в прошлое месть, исчезла любая ненависть, за исключением ненависти к иностранцам, а с ней ушел и страх. Теперь у родника Сен-Жюльен, как и в любой другой точке Пиренейского полуострова, священник безбоязненно стоял бок о бок с бандитом, а добропорядочный христианин запросто мог усесться рядом с отверженным цыганом.

У Испании на тот момент было два врага: напавшая на нее Франция и защищавшая ее Англия. Многие мудрые философы и серьезные авторы, пишущие на древнем языке Сиды, отмечали, что несчастная Испания ненавидела своих защитников чуть больше, чем захватчиков. Не вызывает сомнений, что страна все видела в красном свете, словно исколотый пиками бык с залитыми кровью глазами. Она жаждала крови, чтобы выплеснуть свою ярость. Повсюду – на севере и юге, западе и востоке – испанцы поднялись как один, и все жители страны – мужчины, женщины, дети, старики, монахи, судьи, дворяне, крестьяне, кармелитки, нищие, бандиты и вельможи – взялись за оружие.

Английская армия превратила эту ужасающую массу народа в своего рода защитную линию, за которой ей было удобно и легко осуществлять свои маневры. Английскую армию ненавидели, но патриотизм не позволял испанцам вредить ей. Всем было известно, что англичане, которые пришли якобы на помощь Испании, захватили оборонительные сооружения Гибралтара, а правительство, радеющее о независимости страны, фактически швырнуло Испанию под копыта английских лошадей. Люди в бессильной ярости скрипели зубами, но терпели. Власти Севильи обратились с призывом к провинциям, и этот призыв непостижимым образом разнесся по всей стране. Англичан ненавидели, но нехотя и молча терпели их присутствие.

По другую сторону этой ошестинившейся ненавистью человеческой стены расположились французские войска. К ним никто не питал симпатии, они были лишены какой-либо помощи и не находили приюта на враждебно настроенной земле. Французские солдаты говорили Испании: «Мы несем тебе цивилизацию, прогресс, свободу». А Испания отвечала: «Я не верю в вашу цивилизацию, я презираю ваш прогресс, а вашей свободе я предпочитаю рабство».

Испания предпочла взорвать саму себя, как взрывают захваченный корабль, чтобы одним ударом перебить и своих друзей, и своих врагов, которые были ей одинаково отвратительны. В глубине своей земли испанцы вырыли шахты для взрывчатки, а Пиренеи с их вершинами стали для французской армии гигантской ловушкой, которую постоянно держали наготове. За каждым кустом здесь прятался человек с мушкетом, а за каждым деревом – человек с ножом.

В этой стране гостеприимный дом стал опаснее, чем ночевка под открытым небом, потому что в доме французов поджидали наточенные кинжалы. Здесь хлеб был опаснее голода. Утоление голода местным хлебом, а жажды прекрасным вином грозило неминуемой смертью. Умиравшие от жажды французские солдаты даже опасались пить свежую и чистую воду из ручьев. Ходили слухи, что англичане привезли с собой яд и отравляли родники, из которых французы брали воду. Эта война поражала доселе невиданной жестокостью. Проповедники, вещавшие с церковных кафедр, обещали вечное блаженство каждому, кто убьет француза. В итоге все, что попадало под руку, превращалось в орудие убийства. Убивала даже любовь. Вкусивший ночных ласк мог не встретить завтрашний день.

Самую хитрую и осторожную игру против французской армии вел человек, прославивший британским Фабием Кунктатором³. Этот робкий счастливец, появившийся на исторической сцене как раз в тот момент, когда смерть Нельсона лишила Англию последнего героя, родился под счастливой звездой и мог без оглядки вверить себя благоволившей ему фортуне. Любые его военные действия, не заканчивавшиеся очевидным разгромом, объявлялись громкими победами. Английский парламент, назначивший его национальным героем, поклялся оборвать листья со всех лавровых кустов королевства, предварительно позолотив каждый из них. В итоге сэр Артур Уэлсли⁴ стал виконтом Веллингтоном де Талавера и обладателем награды в сто тысяч фунтов стерлингов, затем графом де Вимейра и маркизом де Торрес-Ведрас с пенсией в сто тысяч франков, испанским грандом первого класса и герцогом де Сьюдад-Родриго, графом Веллингтоном и пэром Англии, что принесло ему пять миллионов франков, герцогом де Витория с вручением двух с половиной миллионов франков, фельдмаршалом, которого одарили пятью миллионами, маркизом де Дуро и наконец герцогом Веллингтоном. В общей сложности сэр Артур получил дюжину титулов и 50 миллионов франков и стал самым увенчанным лаврами, почестями, титулами и наградами военачальником. А когда он достиг апогея славы (в чем-то, по нашему мнению, комичной), тогда ему в парке Сент-Джеймс при жизни установили бронзовый памятник высотой восемнадцать английских футов, представляющий собой голову его светлости, водруженную на тело самого красивого грека по имени Ахилл.

Но в те времена, когда происходили описанные здесь события, он именовался лишь сэром Артуром Уэлсли и завершал португальскую кампанию против маршала Сульта. Именно тогда он постиг главную военную премудрость, суть которой состоит в том, что военачальник должен надежно прикрывать свои полки народными массами и следить за тем, чтобы шпионов в войсках было больше, чем пушек.

Возвращаясь к роднику Сен-Жюльен, отметим, что вокруг него собралось не меньше сотни человек. Люди молодые и способные носить оружие были здесь в явном меньшинстве, и тем не менее это достойное собрание имело весьма воинственный вид, который кому-то мог бы скорее показаться свирепым, отчаянным и диким.

Люди по большей части пришли издалека, о чем свидетельствовал толстый слой пыли, покрывавший баскские юбки женщин и их потрясающе красивые туфли с веревочными подошвами. Сопровождавшие их дети барахтались в куче песка, а притащившиеся с женщинами старики старательно прятали свои блестящие, как слоновая кость, черепа в освежающей тени высоких кустов.

Несколько девушек из деревни Сен-Жак-су-Кабаниль явились к роднику, держа в руках дивные кувшины с ручками в форме свернувшихся змей. Правда, девушки были немногочисленны, и пришли они вовсе не для того, чтобы набрать в роднике воды. Несколько растрепанных старух о чем-то спорили, стоя рядом с родником, а справа от них на пригорке два погонщика мулов, крестьянин и монах, присев на высохшую травку, увлеченно играли в кости.

Игравшие дети испускали угрожающие крики. Их забавы никак нельзя было назвать детскими. Ребятишки со всей наивностью, присущей этому возрасту, развлекались тем, что сдирали кожу с вымышленных французских военнопленных. Слева от родника, укрывшись в тощей листве ясеней, крепкий парень тихо беседовал с юной девушкой из провинции Леон. Парень, судя по его костюму, принадлежал к орудовавшей в горах бандитской шайке Урбана Морено, прозванного *Verdugo*, а Урбаном Морено звали храброго партизанского командира,

³ Квинт Фабий Максим Веррукос по прозвищу Кунктатор (Медлитель) – римский государственный деятель и полководец третьего века до нашей эры. Возглавил римскую армию во время Второй Пунической войны и, избегая больших сражений, наносил огромный вред врагу, разрушая его коммуникации и используя тактику выжженной земли.

⁴ Британский полководец Артур Уэлсли с сентября 1809 года стал именоваться виконтом Веллингтоном, а позднее 1-й герцогом Веллингтоном. В 1809–1814 годах он вел на территории Испании и Португалии в целом успешные действия против французских войск. Будущее готовило ему славу победителя при Ватерлоо и лавры премьер-министра Великобритании.

имя которого давно гремело на севере Эстремадуры. Слово *Verdugo* по-испански означает «палач». Такое прозвище наводящий страх Урбан Морено придумал себе самолично.

Беседовавшая с бандитом Пабло уроженка Леона была одета в крестьянское платье, но, глядя на нее, нельзя было не восхититься удивительно тонкой талией девушки и ее изумительно красивым лицом.

Дующий со стороны гор южный ветер донес надрывный звук колокольного звона. Это пробило шесть часов пополудни на колокольне старого замка Кабаниль, чьи башни с квадратными навесными бойницами выглядывали из расположенного неподалеку ущелья.

Внезапно все умолкли. Дети перестали резать живьем своих пленников, прекратили спорить старухи, кости остались лежать на траве, и даже Пабло и уроженка Леона прервали свою тайную беседу. Мужчины сняли широкополые шляпы, женщины поцеловали висевшие на шеях амулеты, а поднявшийся на ноги монах вздел вверх распятие и осенил себя крестным знаменем.

Все собравшиеся у родника встали на колени и хором запели вечернюю молитву. По правде говоря, монах читал молитву с недопустимой скоростью, словно выкрикивал команды на плацу, а после молитвы каждый принялся с невиданной скоростью перебирать четки. Недаром утверждает пословица, что, когда приходит время чихнуть, добрый христианин успевает чихнуть десять раз. По этому поводу еще говорят, что за время чтения молитвы с перебиранием четок не успеешь даже сигарету свернуть.

Монаха, носившего костюм францисканца, звали брат Бенито. Он с завидной ловкостью сотворил молитву, убрал свои четки и немедленно уселся на траву. На шее монах носил распятие, а к веревке, служившей ему поясом, были приторочены два пистолета. Этот инок был бойким разбитным малым и несмотря на огромную тонзуру казался человеком храбрым и веселым.

– И не стыдно вам! – обрушилась на игроков одна из старух. – Целый день гремите своими костями вместо того, чтобы обсудить свалившиеся на нас несчастья! Ну а ты, Доминго, на что ты купишь хлеба и пороха, когда преподобный выиграет у тебя последние реалы?

– В монастыре много пороха, дама Брихида, – ответил монах. – Кидай кости, Доминго! Твоя жена отправилась продавать мед англичанам, а это пахнет ересью.

– Надо спросить у преподобного! Надо спросить у преподобного! – неожиданно заголосили хором полдюжины седых растрепанных старух.

– Шесть и три! – буркнул монах. – Неплохо у тебя получилось, Доминго! А ты часом не сжульничал?.. Добрые женщины, подойдите ближе и говорите громче. Для того я здесь и нахожусь, чтобы вы услышали голос мудрости... Пять и два, черт побери! Я отыгрался!

– Вы только послушайте, преподобный, – хором воскликнули старухи.

Но к монаху приблизилась лишь одна из них. В руке она держала квадратный пергаментный конверт, украшенный восковыми печатями.

– Брат Бенито, – произнесла она властным тоном, – зовут меня Сюзанна и я вдова. Эти старухи хотят научить меня уму-разуму и показать, как надо готовить родник к приходу французов. Пусть лучше поучат хирургов пускать кровь! Они хотят, чтобы я разорвала конверт и кинула порошок в воду, а там пусть они себе завтракают на травке... Но это неправильно, преподобный! В конверте порошок потихоньку растворяется... Кое-где я уже подсластила таким образом травяной чай, и, клянусь своим святым покровителем, чаёк все так же свеж, как и неделю тому назад!

– Дубль пять, Доминго! – провозгласил преподобный. – Плати и отыгрывайся. Что же касается воды, добрые женщины, то я в этом несилен. Главное – не забывать осенять крестом родник, в который вы подмешиваете ваше дьявольское зелье, чтобы из него по неосторожности не напился какой-нибудь слугитель Господа... Доминго, второй раз дубль пять!.. Кидай деньги на кон, старый жулик!

Доминго повернулся к нему спиной и вытянулся на траве. Погонщики мулов уже давно вышли из игры. Преподобный выкинул недокуренную сигарету и проверил, на месте ли его кожаный кошелек, спрятанный в глубинах кармана. Удостоверившись в его целостности, он громко позвал:

– Эй, Пабло, эй, девушка из Леона! Подойдите ко мне, дети мои! Уже полчаса, как мы не слышим звуки выстрелов, а это значит, что скоро появится Жибоз. Думаю, он привезет хорошие новости, ведь еретики и французы пускают друг другу кровь по ту сторону реки. Молюсь святому Антонию Падуанскому, чтобы он придал меткости их пулям. Если бы не я, овечки мои, то вы бы ничего не узнали. И все же нам надо согласовать наши действия, а для этого следует обменяться информацией. В опасное время мы живем, но Бог хранит Испанию, и мы еще дождемся возвращения нашего короля Фердинанда⁵, храни его Господи! Скажи, Пабло, какие новости от Миранды?

– Нас у палача Эстремадуры полторы тысячи человек, и мы разбили лагерь у селения Алагон, – ответил красивый парень. – За последнюю неделю мы задали жару двадцати трем пособникам французов и отослали ключи от их домов местным властям.

– Браво! – оживились старухи.

– Кто теперь вами командует? – спросил монах.

– После того, как Каброн помер от лихорадки, нами командует Урбан Морено.

– Урбан Морено! – повторил монах. – Не тот ли это бандит, который прежде промышлял в горах Арагона?

– Так говорят, но точно знает только Бог... В тот день, когда командиры отрядов повязали ему пояс помершего Каброна, он в одиночку уехал верхом в Сьюдад-Родриго, чтобы предъявить алькальду бюллетень о своем избрании. С тех пор мы ни разу его не видели. Он шлет приказы, мы их исполняем и живем, как можем.

– Вот и мы не знаем, кто вокруг нас жив, а кто мертв, – вздохнул монах. – Этот Урбан Морено, о котором я говорю, был, конечно, грешником, но галантным человеком, храбрым, как его шпага. А уж как он исполнял песни Ла Манчи!.. Что слышно о Богатом Человеке, Хуанита, жемчужинка моя леонская?

– Преподобный, – ответила красивая девушка, опутив свои умненькие очаровательные глазки, – я больше не служу в замке Кабаниль.

– А почему бы не послужить в замке Богатого Человека, Хуанита?

– Потому что в замке Богатого Человека больше нет хозяина.

– Неужели донья Менсия де Кабаниль и ее дочь Хоакина умерли? – воскликнули присутствующие.

– Либо они уехали ко двору Жозефа Бонапарта, которого они именуют королем! – злобно добавила вдова Сюзанна. – Смерть предателям, продавшимся французам!

– Смерть проклятым сторонникам Жозефа! – поддержали ее остальные ведьмы.

– Молчите, грешницы! – приказал монах. – Хуанита, так что же случилось с женой и дочерью Богатого Человека?

– Получается, что они все проделали таким образом, чтобы в горах никто ничего не узнал, – с горечью в голосе ответила уроженка Леона. – Правда и то, что, если смотреть со стороны, то кажется, что ничего не изменилось. Над равниной по-прежнему нависают четыре башни, а звон колокольной позволяет людям узнавать, какой нынче час... А ведь прошел уже месяц с того дня, как старый маркиз оказался в тюрьме, и две недели, как власти Севильи известили маркизу, что ее владения конфискуются и выставляются на продажу, чтобы оплатить

⁵ Фердинанд VII, сын испанского короля Карла IV, носил титул герцога Астурийского, после отречения отца и до вторжения Наполеона был королем Испании в марте – мае 1808 года, вернулся к власти с 1813 года. В 1808–1813 годах королем Испании был Жозеф Бонапарт, старший брат Наполеона.

военные расходы. А неделю назад снесли герб, установленный над главными въездными воротами, и чья-то грязная рука написала белой известью «Дом продается». Одновременно алыгвазил⁶ Талаверы потребовал, чтобы маркиза покинула свое жилище. Но маркиза не сдается. Четыре дня тому назад в замке появился новый хозяин. Маркиза приказала зарядить кулеврины⁷ на каждой башне, а всем людям вооружиться. Но никто не стал выполнять ее приказ. Тогда маркиза удалилась в башню Фердинанда Католического и заперла за собой все двери. Все слуги перешли к новому хозяину за исключением помощника конюшего Андреса и меня, Хуаниты Леонской.

– Было бы лучше, – сказала Брихида, жена Доминго, – чтобы власти снесли этот старый замок, не оставив камня на камне. Тогда, возможно, удастся отыскать древнее сокровище Кабаниля.

Послышалось перешептывание. Люди передавали из уст в уста ее слова: «Древнее сокровище Кабаниля!»

– А где сейчас этот Андрес? – спросил монах.

– Он остался вместе с доньей Менсией и ее дочерью.

– А почему ты их покинула, Хуанита? Ведь ты так любишь их.

Хуанита опустила взгляд и ответила:

– Уже четыре дня, как никто не соглашается продать маркизе ни крошки хлеба, ни капли молока или какой-нибудь фрукт. Я сама питалась из последних припасов моей хозяйки. Оттого-то я и покинула ее.

– Пусть сдохнут от голода рядом со своим золотом и драгоценностями! – воскликнула вдова Сюзанна. – Бог справедлив. Пусть падет несчастье на головы пособников французов!

Ее поддержал целый хор голосов, но прекрасная Хуанита стояла на своем, понимая, что находится под защитой бандита Пабло и двух погонщиков мулов, еще недавно игравших в кости с монахом.

– Теперь они кусают руку, которую прежде целовали! – произнесла она тоном, исполненным горечи и презрения. – В Испании нет более благородного сердца, чем сердце доньи Менсии, маркизы де Кабаниль!

– А как зовут нового хозяина, девочка? – спросил брат Бенито, который явно не собирался ни одобрять, ни осуждать преданность Хуаниты.

– Его имя хорошо вам известно, отец мой, так же, как и остальным присутствующим. Это Самуэль да Кошта, который помогал деньгами местным властям.

– Этот почтенный мерзавец! – вскричал монах.

– Португалец! – поддержали его остальные. – К телу Испании присосались иностранные пиявки!

Монах на секунду задумался, а затем неожиданно заговорил:

– Власти добывают деньги, где только могут, дети мои. Удивляет меня лишь то, что об этом ничего не знают в монастыре. Но кое-что нам известно, дети мои. Навострите ваши уши и слушайте. Жозеф Бонапарт покинул Мадрид, чтобы встать во главе своей армии. Я не стану говорить об английском генерале, который установил палатки со своими солдатами вдоль реки Альберче и в верхнем течении Талаверы. Для победы нам не требуется Артур Уэлсли и вообще никто нам не нужен. Сейчас Кастаньос, наш бессмертный герой, выступил на соединение с армией и ведет за собой пятьдесят тысяч человек, а старый Куэста...

– Этот умеренный! – заворчали присутствующие. – Долой Грегорио де ла Куэсту...

⁶ Должность, равноценная судебному исполнителю.

⁷ Огнестрельное оружие, предшествующее мушкету и легкой пушке.

– Заткнитесь, мулы безмозглые! Думаете, вы что-то понимаете в высокой политике? Грегорио де ла Куэста занимает позиции на левом фланге англичан и под его командой шестьдесят тысяч ветеранов, цвет испанской армии.

Услышав о шестидесяти тысячах ветеранов старого Куэсты, люди от всей души закричали «Браво!».

– А что вы скажете о герцоге дель Парке? – не унимался монах. – Его-то вы любите?

– Да, да! Да здоровствует герцог дель Парке!

– Так вот, герцог дель Парке ведет за собой двадцать пять тысяч арагонцев, а это настоящие демоны. Вам понятно?

– Да, да, демоны! Да здоровствуют арагонцы!

– А за ним идет Ла Романья и с ним двадцать тысяч леонцев...

– Да здоровствуют Ла Романья и жители Леона!

– И наконец юный маркиз де Бельведер...

– Ангел! – перебили его женщины.

– Этот ангел, который бьется лучше дьявола, идет форсированным маршем из глубинки Эстремадуры, которая слушается его, как самого короля. С ним идут тридцать тысяч человек. Посчитайте сами, в общей сложности это составляет сто восемьдесят тысяч испанцев, и это не считая красных мундиров, будь они прокляты! Вот сколько войска мы выставим против французов! А сколько самих французов? Горстка, не больше!

– Да, да, только горстка французов!

– Давайте считать: у Виктора четыре полка голодранцев!

– У Себастьяни бригада голодающих!

– Дессоль командует одними маркитантками!

– А Журдан прикупил ослов, чтобы усадить на них своих драгун!

– Вот вам и король Жозеф Бонапарт! – подытожил монах.

Все так и покатались со смеху.

Пока присутствующие простодушно смеялись над незадачливой французской армией, кто-то воскликнул:

– Жибоз! А вот и Жибоз!

Вдалеке на дороге, пересекающей выжженную равнину, появилось облако пыли. Когда вечерний ветерок наполовину рассеял это облако, люди увидели большую серую лошадь. Но всадника по-прежнему не было видно. И только когда облако добралось до деревьев, стоявших в стороне от родника, над головой большой серой лошади люди смогли разглядеть четыре уха.

Два уха, несомненно, принадлежали самой лошади, а два других имели отношение к чудовищно огромной голове, обросшей нечесаными буйными волосами, вьющимися, как плющ. Позади головы, почти на одном с ней уровне, виднелся горб, обтянутый шерстяной коричневой накидкой. Голова и горб и являлись тем самым Жибозом, которого еще звали Горбуном. Впрочем, нельзя не упомянуть и остальные части его тела, в частности, его торс и причудливо выгнутые ноги. И то, и другое не дотягивало даже до половины головы или горба.

Горбун визгливо прикрикнул на лошадь как раз в тот момент, когда она едва не промчалась мимо родника, остановил ее и молодецки спрыгнул на землю. Когда он встал на ноги, оказалось, что ростом горбун ненамного выше детишек, игравших в свежавание французов. При этом его длинное, бледное, костистое и удивительно умное лицо вполне могло бы принадлежать мужчине ростом не менее шести футов.

Горбуна немедленно окружили, и двадцать голосов хором задали один и тот же вопрос:

– Что нового, Лазариль, что нового?

Жибоз окинул собравшихся взглядом, исполненным гордого превосходства.

– Я вижу здесь только семь фляг, – отозвался он. – Что за времена настали? Дайте мне ваш стакан, дама Брихида, а владельцы этих семи фляг пусть по очереди нальют мне хорошую порцию агуардъенте⁸. Меня мучит жажда.

Владельцы семи фляг безропотно подчинились, откупорили фляги и по очереди плеснули в его стакан самогон, так что набралась изрядная порция. Жибоз одним глотком осушил полный стакан, после чего заговорщицки улыбнулся публике, которая продолжала задавать свой вопрос:

– Какие новости, Лазариль?

Горбун испустил короткий смешок и спросил:

– Братья и сестры, взяли ли вы с собой ваши ножи?

– Да, да – ответил нестройный хор. – У нас у всех есть ножи.

– Так приготовьте их, добрые люди! Нам предстоит разделить сорок французских военнопленных. Не правда ли, хороша добыча!

Слушатели угрожающе взвыли. Все знали, что Жибоз большой шутник, как и большинство его собратьев, но люди также знали, что в его тельце поселился сам дьявол, и, когда дело доходит до крови, Жибозу стоит доверять.

– Откуда они идут? – спросила вдова Сюзанна и облизнула пересохшие губы.

– К нам идут, – уточнил Жибоз, – тридцать шесть симпатичных солдатиков, каждый из которых опытный стрелок, и с ними два капрала, один сержант и один двадцатилетний лейтенант, у которого на розовых щеках еще нет ни одного волоска. Как вы полагаете, это неплохой ужин, братья и сестры?

На этот раз ни одного ответа не последовало, но у каждого в руке блеснуло лезвие ножа, казавшееся красным в пурпурном свете заходящего солнца. Дети пронзительно заорали, а мужчины и женщины в полном восторге взялись за руки и завели вокруг родника зловеющий хорвод.

– Вам известно имя молодого лейтенанта, сеньор Лазариль? – прошептал Жибозу на ухо чей-то нежный голос.

– Если мне платят, Хуанита, то я готов поделиться любым знанием. Если дадите поцеловать кончики ваших хорошеньких пальчиков, то я скажу вам имя светленького розового лейтенанта.

Леонская барышня немедленно протянула ручку, которую карлик галантно покрыв поцелуями.

– Лейтенанта, – сообщил он, честно выполняя условия сделки, – зовут Эктор де Шабанель.

Хуанита поблагодарила и вернулась к Пабло, который стоял в стороне, пока люди водили свой бешеный хорвод.

– Лейтенанта зовут Эктор де Шабанель, – прошептала она.

– Это его брат! – содрогнувшись, воскликнул Пабло.

Затем он с задумчивым видом добавил:

– Клянусь, что между заходом и восходом солнца у нас будут новости.

Тем временем Лазариль подошел к монаху, который скручивал новую сигарету и беззаботно следил за хорводом.

– У меня поручение к вашему преподобию, – сказал он.

Брат Бенито взглянул ему в лицо, приподнялся на локте и устремил на карлика вопрошающий беспокойный взгляд.

– От него? – тихо произнес он.

⁸ Собирательное название самогона в испаноязычных странах крепостью от 29 до 60 градусов. Обычно употребляется без выдерживания в бочках.

– Да, от него. Вы увидите с ним этим вечером.

– В добрый час! Где мы увидимся?

– В монастыре. Англичане встанут лагерем у родника. Этой ночью у него будет дело к англичанам.

– Откуда ты знаешь, что англичане встанут лагерем у родника?

– Их командир объявил: «Вы разобьете палатки у родника Сан-Хулиан-де-Кабаниль».

– Значит, он знает эти места?

– Лучше вас и почти так же хорошо, как я.

– Его имя.

– Роберт Манро, лэрд⁹ де Комин. Прежде он командовал разведчиками генерала Мура. Глаза монаха загорелись.

– Черный Комин! – странным голосом пробормотал он. – Бывший капитан-лейтенант артиллерии в Гибралтаре! Ты прав, Лазариль, он не может не знать окрестности замка Кабаниль!

– Ола¹⁰, братья и сестры! – внезапно выкрикнул Жибоз, обратив к хороводу свое бледное лицо, на котором под огромной шевелюрой сверкали маленькие горящие глазки. – Скотина уже недалеко, точите ваши тесаки!

Его пронзительный голос вызвал всеобщее замешательство, и хоровод остановился. Рука Жибоза указывала на дорогу, на которую с юга уже надвигались сумерки.

Действительно, на горизонте замаячило облако пыли.

– Вот они, вот они! – раздались голоса.

Кто-то неуверенно заметил:

– Но их больше сорока.

– Да их больше сотни! – добавил Доминго.

Оба погонщика мулов заявили, что приближающееся войско насчитывает примерно четыреста человек.

– Считайте, что все пятьсот, – сказал Жибоз. – А вы думали, что военнопленные придут одни и без эскорта?

Толпа уже не пела и не танцевала. Одни о чем-то переговаривались вполголоса, другие беспокойно переглядывались. Когда ветер начинал дуть в сторону родника, до людей доносились звуки волынки.

– Это шотландцы! – промолвил Пабло, отличавшийся тонким слухом.

– Это еретики с голыми ногами!

– Нужен камень и кусок веревки, – сообщила Сюзанна своим мегерам. – Эти точно не упустят пленных. Если мы хотим до них добраться, то надо кинуть в воду наш сахар!

И хотя союзники-англичане тоже должны были утолять жажду из родника, никаких возражений не последовало. Правда, все надо было сделать тайком, чтобы не увидели монах, Жибоз и сторонники леонской барышни, которых считали мягкотелыми. К уже упомянутому пергаментному конверту с печатями привязали здоровенный камень, и всю эту конструкцию опустили в воду, после чего вода покрылась белыми шариками, словно ее действительно подсластили сахаром.

В тот же момент в полную силу заиграли шотландские волынки, исполнявшие военный марш горных шотландцев. В последнем сумеречном свете показался авангард горных гренадеров, великолепных отважных солдат, которым не было бы равных во всем мире, если бы не существовало французской армии. Они шли ускоренным маршем, принаравливаясь к дикому ритму своей музыки. Голые мускулистые ноги гренадеров выглядывали из-под цветастых кил-

⁹ Представитель нетитулованного дворянства в Шотландии, помещик-землевладелец, зачастую глава клана.

¹⁰ Ола (holà!) – привет, эй! (исп.)

тов, обмотанных поверху пестрыми пледами. Уже были видны их открытые лица, улыбавшиеся из-под украшенных перьями гленгарри¹¹.

Шли они весело, предчувствуя, что их ожидают скорая ночевка и приятная беседа у большого костра, над которым будет булькать еда в котелках. Гренадерам и дела не было до толпы испанцев, которую заметили еще издалека. Они чуть не умерли от смеха, когда при их приближении толпа рассеялась, словно стая каркающих ворон, и исчезла в ночи, бормоча напоследок невнятные угрозы.

¹¹ Шотландский военный головной убор, сплюснутый на манер пилотки.

II Военные будни

На ночевку встали три роты шотландских гренадеров, входившие в состав 27-го линейного (3-го горнострелкового) полка, которыми командовал подполковник Манро, он же лэрд де Комин. Своего командира отважные горцы привыкли называть Черным Комином. В шотландских подразделениях такие прозвища считаются делом обычным, и эпитеты типа *black* и *red* (черный и красный) используются в сочетании с множеством имен. Вот и подполковника гораздо чаще называли не Робертом Манро, а Черным Комином.

Подполковник был крепок и высок ростом, как и большинство его солдат. Ему уже перевалило за сорок, и в его черной, как гагат, шевелюре сверкало немало серебряных нитей. Он носил военный берет зеленого, белого и фиолетового цветов и плед той же расцветки. В отличие от Комина все его солдаты и офицеры принадлежали к клану Кэмпбелл и носили тартан¹² Аргайла, своего действительного полковника. На лбу черной, как ночь, лошади подполковника красовалась белая отметина, похожая на ночную птицу с расправленными крыльями. Подполковник ехал шагом сразу за авангардом на расстоянии пятидесяти туазов от первой роты, во главе которой шагали два неразлучных офицера – майор Ричард Моубрэй и второй лейтенант Эдвард Уэлсли.

В кличке Черный Комин не содержалось намека ни на темный, как у мавра, цвет лица подполковника, ни на его когда-то черную, как эбен, шевелюру, ни на траурный окрас его лошади. Кличка скорее отражала особенности характера командира, а также его репутацию человека, обладающего сверхъестественными способностями. Черный Комин был известен своей отчаянной храбростью, но при этом где-то в глубине его души поселилась непреходящая печаль, которую иной раз принимали за малодушие. Он не был ни католиком, ни лютеранином, что для жителя шотландского высокогорья является вполне обычным делом, и никто никогда не замечал, чтобы при виде придорожного креста подполковник обнажал голову.

В полку про него ходило множество легенд, берущих начало из никому неизвестных источников, согласно которым в молодости подполковник заключил договор с сатаной, пообещавшим ему полковничьи эполеты. Кое-кто даже намекал на то, что Комин периодически встречается с загадочным существом – возможно, самим сатаной – которое следит за выполнением подполковником взятых на себя обязательств. А еще утверждали, что у него был брат, который умер при таинственных обстоятельствах...

Такое дикое суеверие может показаться странным, но читателю следует иметь в виду, что описываемые события происходят в Испании, а их действующими лицами являются жители Хайленда, то есть горной части Шотландии. Во французском полку все, от солдата до полковника, несомненно, лопнули бы от смеха, если бы кто-то взялся распускать подобные слухи. Французские солдаты могут поверить в чудеса, но чудеса совсем иного толка. Зато у шотландцев в основе их суеверий лежит договор с дьяволом, и в шести легендах из десяти владыка ада получает в свое распоряжение души на срок, предусмотренный договором.

Шотландия, как и Германия, и поныне остается страной классических мифов и легенд о всяческой чертовщине и прочих химерах. Вот и в 3-м горнострелковом полку не было ни одного солдата и даже офицера, который не клялся бы, что видел своими глазами, как в одну прекрасную ночь Черный Комин исчез в клубах серного дыма.

Майор Ричард Моубрэй, которого сослуживцы величали Красным Диком, в отличие от подполковника был настоящим бонвиваном. У этого доброго и красивого парня был прекрас-

¹² Цвет шотландского пледа. Каждый клан имел свой тартан.

ный аппетит, из-за чего он с трудом переносил голод, но при необходимости майор был способен терпеть жестокие лишения, а в минуту смертельной опасности демонстрировал завидное хладнокровие. Красный Дик и Черный Комин всегда жили душа в душу, но лишь до тех пор, пока Комин не перебирал лишнего, пытаясь с помощью джина развеять свою тоску.

Стоило Комину напиться, а такое случалось не чаще одного раза в месяц, как Дик даже носа не высовывал из своей комнаты или палатки в зависимости от того, где они в тот момент были расквартированы. А все оттого, что в такие минуты у Комина закипала ярость, и он грозил насквозь проткнуть майора своей боевой шотландской шпагой. Поговаривали, что виной всему была навязчивая идея, внушенная подполковнику его таинственным ночным собеседником, согласно которой Дику было суждено унаследовать его эполеты.

В полку было доподлинно известно, что в ночное время, когда все спали, Комин предавался каким-то загадочным и странным занятиям. Кто-то (правда, неизвестно кто) видел, как он бродил с каким-то незнакомцем вокруг места ночной стоянки, и в свете горящих факелов их тени становились невероятно длинными. Многие слышали, как он, сидя в одиночестве в своей палатке, постоянно что-то говорил, жаловался и кому-то грозил... А еще все заметили, что с некоторых пор его бронзовая кожа с каждым днем становилась все бледнее и бледнее.

Красному Дику покровительствовал сам главнокомандующий сэр Артур Уэлсли, а майор в свою очередь оказывал покровительство Эдварду Уэлсли, племяннику его высокопревосходительства. За офицерским столом Эдварда называли не иначе как *мисс Нед*. Ему уже исполнилось двадцать лет, и был он высоким, стройным и, как женщина, изящным. Но одновременно лейтенант был до того силен, что в полку с ним не мог сравниться ни один силач. Он приобрел безукоризненную репутацию, показав себя во многих стычках настоящим героем, и потому не стыдился и не гневался, когда его так называли.

В полку не было ни одного солдата, способного сравниться в стойкости с Недом. И вообще он был любимцем всего 3-го горнострелкового полка.

Приходится признать, что французские воинские части, даже элитные, не могут сравниться с частями хайлендских шотландских стрелков, которые в буквальном смысле живут как единая семья. Причины такой сплоченности состоят в том, что шотландские части формируются из добровольцев, причем выходцев из одного клана или нескольких дружественных кланов. Ни во Франции, ни собственно в Англии ничего подобного нет и быть не может.

Кроме того, все шотландские военные относятся к одному и тому же общественному классу, принадлежность к которому дает право именоваться джентльменом. В этом смысле за рамками военной иерархии простые солдаты и офицеры, включая полковников, абсолютно равны между собой, если только речь не идет о представителях аристократических семейств.

Мы вовсе не утверждаем, что в свободной Англии принадлежность к аристократии все еще играет исключительную роль, и простой джентльмен не может достичь высокого положения, как какой-нибудь лорд, или что человек из простонародья не может сравниться с джентльменом. Впрочем, там все еще сильны пережитки прежних нравов, и для их устранения требуется добрая воля привилегированных слоев английского общества.

В английском обществе равенство еще не стало основополагающим принципом, но его ценность, как идеала общественного устройства, получила всеобщее признание. Только у нас, во Франции, равенство остается пустым звуком. А вот по ту сторону Ла-Манша оно считается общественным благом и имеет все шансы воплотиться в жизнь. Те, кто знакомы с нравами, царящими в шотландских полках, могут подтвердить, что в этих армейских семьях господствует дух истинного братства. Отношения между офицерами и солдатами строятся на основе равенства, но это несколько не подрывает воинскую дисциплину.

Вслед за Красным Диком и Недом, весело обсуждавшими недавнюю стычку, шагали три роты гренадеров под командой своих офицеров.

А между второй и третьей ротами брели разоруженные французские военнопленные.

Очень странно выглядели эти французские солдаты. Большинство из них были худыми, низкорослыми и не дотягивали до стандартного облика пехотинца-вольтижера¹³, которому положено иметь рост не менее пяти футов и одного дюйма. Да и одеты-обуты они были Бог знает в какие обноски. Особенно жалко смотрелись французы на фоне прекрасно одетых шотландских богатырей, красивых, как греческие статуи, сытых, здоровых и веселых. Всего в стычке с гренадерами участвовали пятьдесят французов. Почти весь день они сражались против пятисот шотландцев и потеряли десять человек убитыми. А красавцы шотландцы похоронили двадцать своих товарищей и такое же количество раненых везли сейчас на повозках между арьергардом и последним взводом. При таком соотношении потерь может показаться, что преимущество на сей раз было отнюдь не на стороне отважных шотландцев.

Но победа есть победа, чем ее ни измеряй, а поражение остается поражением, чем его не оправдывай. Из этой схватки 3-й горнострелковый полк вышел победителем, а наши пехотинцы-вольтижеры попали в плен и теперь с поникшими головами шагали за своим юным лейтенантом Эктором де Шабанелем, у которого голова была обмотана окровавленной тряпкой, а правая рука висела на перевязи.

Почти все французские пехотинцы были очень молоды, за исключением двух тридцатилетних капралов и сержанта Морена, ветерана республиканской армии, которому на вид было не меньше сорока. Но несмотря на молодость кожа у всех сильно загорела и обветрилась под палящим испанским солнцем.

И только кожа лейтенанта сохранила свою белизну, что считается большой редкостью по эту сторону Пиренеев. Складывалось впечатление, что сюда он попал сразу со школьной скамьи. Тело у юноши было хрупкое, но отличалось великолепным сложением. Светлые выющиеся волосы сочетались у него с темными бровями, которые окаймляли глаза, удивлявшие своей яркой голубизной. Пушок, выросший на месте будущих усов, был темным, как и его почерневшие губы, которыми он сжимал патроны, приготовленные для перезарядки ружья. Без всякого сомнения, это был настоящий львенок, которому требовалось совсем немного времени, чтобы взять реванш за случившееся поражение.

Гарда его шпаги была украшена черной траурной лентой.

Вторым по значимости лицом в группе плененных вольтижеров был сержант Морен. Достаточно было взглянуть на его длинный орлиный нос, седеющие волосы, густые брови и поймать его твердый и ясный взгляд, чтобы распознать в нем настоящего ветерана. Среди своих товарищей он выделялся высоким ростом и прямой осанкой, сохранившейся несмотря на возраст и накопившуюся усталость. Что касается его отваги, то о ней и говорить не приходится. По всеобщему признанию, Морен был образцом доблести и отваги. К сказанному добавим, что сержант был умен, упрям, тщеславен, благороден и истово верил в солдатские предрассудки.

Последними представителями начальствующего состава были два капрала – Марселан по прозвищу Тулузец и Муане, которому досталось странное прозвище Новый Мост¹⁴. Муане был родом из Парижа, где его угораздило родиться в нищей хибаре, стоявшей неподалеку от статуи Генриха IV и расположенной перпендикулярно течению Сены, за что ему и дали такую кличку. Тулузец появился на свет в городе капитулов¹⁵, где его родители однажды заночевали перед открытием ярмарки. Каждый из капралов старался перещеголять другого по части славы, но не личной, а славы городов, уроженцами которых им посчастливилось стать. Гасконец превозносил до небес древнюю столицу Аквитании, а парижанин придумывал все новые и новые

¹³ В наполеоновской армии вольтижерскими назывались особые роты пехотинцев (по одной на пехотный батальон), предназначенные выполнять функции застрельщиков в бою. Эти роты стали той «легкой пехотой», которая всегда была в авангарде и в стрелковой цепи.

¹⁴ Новый Мост (Пон-Нёф) – старейший из сохранившихся мостов через Сену, его строительство было закончено в начале XVII века при Генрихе IV, чья бронзовая статуя впоследствии была водружена в центре этого живописного символа Парижа.

¹⁵ Главные магистраты коммуны Тулуза в период позднего Средневековья и раннего Нового времени.

достоинства родного города, ставшего центром мировой цивилизации. Соперничество, как говорится, рождает чудо-богатырей. Вот и два наши капрала – Новый Мост и Тулузец – возможно, были рождены, чтобы сотворить какое-нибудь чудо. Но до совершения чуда им было еще далеко, и поэтому оба оставались прекрасными служаками, преданными своему делу, гордившимися своими шевронами и даже в мечтах не допускавшими, что когда-нибудь станут маршалами Франции.

Как жаль, что наше знакомство с французскими солдатами произошло лишь после того, как они попали в плен и теперь уныло брели по пыльной дороге. Если бы нам довелось встретиться с ними накануне битвы, то мы были бы поражены неистощимой безудержной веселостью французов, не покидавшей их даже в минуты нешуточной опасности. Но теперь вздыбленные гребни французских петушков, как выражаются англичане, уныло повисли на понурых головах славных пехотинцев, полностью растерявших свой бравый вид. Впрочем, некоторые из них, как например, Франсуа Жютель, по привычке улыбались, а Гандуэн, прозванный Милым Августинном, даже отпускал шуточки, щедро сдабривая их проклятиями по адресу острой шотландской шпаги, украсившей его щеку багровым шрамом.

Франсуа Жютель был призван по рекрутскому набору и попал в армию совсем недавно. В роте на него мгновенно свалили всю самую непривлекательную солдатскую работу и наградили кличкой Никчемный. А еще его насмешливо величали *несостоявшимся капралом*, потому что на вытянутом им рекрутском билете стояла цифра 1, дающая преимущество при присвоении звания. Все два месяца, которые Никчемный провел в Испании, он пахал как негр, и бегал как олень, исполняя бесчисленные поручения. Что же касается тумачов и затрещин, градом сыпавшихся на бедолагу, то о них мы лучше умолчим. Франсуа был симпатичным блондином, улыбчивым и невозмутимым. Между прочим, в душе он тосковал по вожака капральскому званию, мечта о котором растаяла, как дым. Оно и понятно: человек поверил, что станет начальником, а вместо этого случилась такая незадача.

Обидную кличку ему придумал лично Гандуэн, пехотинец первой шеренги, умелый разбиватель черепов и сердец, балагур, первый парень среди маркитанток и любимец всего полка. Гандуэн самолично придумал все клички, которые были в ходу, а придумывать кличку самому себе он категорически запретил, пообещав сурово наказать неосторожного острошлова. При этом Гандуэн допускал, чтобы его без шуточек, на полном серьезе, называли Милым Августинном. Выглядел он весьма непрезентабельно: был тощий, как старая курица, свежестью лица напоминал пожилого мулата, а еще он был корявый, уродливый, самодовольный, но зато чертовски привлекательный. Во всем батальоне невозможно было сыскать солдата, более популярного, чем наш Гандуэн.

Чтобы легче было на душе, пленные всю дорогу болтали между собой. Впрочем, разве существуют такие обстоятельства, в которых французский солдат откажется поболтать?

– Что ни говори, – глубокомысленно изрек сержант Морен, завидев издали известный вам родник, – а каждый выбирает жизнь по своему вкусу, но не думаю, что найдется такой, кто согласится вытянуть выпавший на нашу долю жребий.

Судя по всему, такими простыми и точными словами он подвел итог затянувшейся дискуссии.

– Да уж, не самый счастливый жребий! – согласился Милый Августин.

– А я, – встрял Никчемный, – когда тянул жребий, вытянул первый номер и должен был стать капралом.

– По правде говоря, – с прекрасным гасконским акцентом сообщил Тулузец, – куда как лучше шагать по дорогам Италии или по всяким германским княжествам.

– Германия! – вздохнул сержант. – Италия! Да лучше уж попасть в Египет, чем в эту Испанию, хоть там и бывало чертовски тяжело. А как хороша Мальта, даром что мала и стоит среди бушующих волн.

– Там апельсины растут, – отметил Новый Мост, который, как и все родившиеся в столице мира был прирожденным статистиком. – А какие окорока в Майнце... а в рейнских княжествах навалом тушеной капусты с сосисками... в Неаполе макароны подешевке... а насчет выпивки – так это везде пожалуйста!

– А в Брюсселе, – отозвался сержант, – пиво за один су наливают в особые кружечки... Пиво-то, понятно, отменное, двойное...

Услышав слово *пиво*, все дружно облизали губы.

– А за кувшин пива просят четыре су, – подвел итог Милый Августин. – Как только доведется выпить, сержант, я выпью за ваше здоровье.

Кое-кто позволил себе ухмылку, но сержант как ни в чем не бывало произнес:

– Если бы мы, дети мои, шли себе форсированным маршем, как было приказано, то вовремя добрались бы до Самбр-и-Меза...

– Черт бы побрал ту повозку! – гневно воскликнул Новый Мост.

– А заодно и чертовых кляч, что тянули тот поганый катафалк! – поддержал его Тулузец.

– И проклятого кучера в парике!

– И сеньориту, у которой за черной вуалью глазки сверкали, как у василиска, хоть она, по правде говоря, и стреляла по мне этими глазками!

Последнее замечание поступило, разумеется, от Милого Августина. Сержант пожал плечами и ответил:

– Эй, Никчемный, берись за огниво, я желаю закурить... Вся штука в том, что, учась в школе, опыта не наберешься, это точно... Если встретите дамочку, скажем, в Венсенском лесу или на лугу Сен-Жерве, то тогда и ведите себя со всей возможной галантностью. Это всем понятно. Каждому месту – свои манеры, если, конечно, в кармане у вас кое-что звенит... Но в такой дикой стране, как Испания, главное быть начеку!.. Я ничего не имею против лейтенанта. Бился он достойно, все это видели. Я только хочу сказать, что в этой стране не надо мешать бандитам нападать на проезжающие кареты. Таковы местные нравы. Бандит здесь такая же профессия, как жестянщик, торговец или кровельщик, и сеньоритам, которые прячут за черными вуальями сверкающие, как рубины, глаза, это хорошо известно. Это как всем известные силены¹⁶...

– Сирены, – поправил его Никчемный, который в своем городке успел поработать мелким клерком у судебного исполнителя.

– Заткнись, молокосос! – вмешался Новый Мост. – Я сам видел изображение силена на бочках одного виноторговца с улицы Прувер.

– Этим словом, – продолжил Морен, – я обозначаю всяких там Дульсиной Тобосских и чаровниц с острова Любви и садов Армиды. Как свернешь с дороги, чтобы послушать их чарующие песни, так и попадешь в ловушку. Вот и мы влипли по самое некуда. Так-то, дети мои! А наш офицер поступил как нормальный штатский недотепа, ей-богу! И вот теперь нам предстоит узнать, каково это – ночевать под открытым небом на английский манер.

Отважные сердца часто не лишены деликатности. Вот и сержант произнес свое назидание совсем негромко, чтобы не множить печали молодого лейтенанта. Впрочем, тот и не мог слышать эту часть беседы, поскольку в одиночестве шагал впереди всех, погруженный в свои невеселые мысли.

Вскоре шотландцы и французы добрались до того самого места, где еще недавно толпились взволнованные испанцы. Все пространство вокруг родника полностью обезлюдело. Мужчины, женщины и дети исчезли, как по мановению волшебной палочки. Пока шотландцы устанавливали палатки, французские солдаты вместе со своим офицером стояли в стороне под

¹⁶ Силены – демоны плодородия в греческой мифологии, входили в свиту бога виноградарства и виноделия Диониса.

охраной караульных. Французы буквально умирали от жажды, но присущая им гордость не позволяла просить разрешение приблизиться к роднику.

Что касается шотландских гренадеров, то они ждали раздачи грога и даже в мыслях не имели прикоснуться к жидкости, которой в Великобритании поят одну лишь скотину. Поэтому водой из родника напилась только лошадь Черного Комина. Всадник, не слезая с седла, подвел ее к роднику, и она долго и жадно пила, погрузив губы и ноздри в прозрачную воду.

Сидя верхом, Черный Комин быстро оглядел лагерь, что-то коротко скомандовал и только после этого спешил. Если в седле он выглядел прекрасным наездником, то, стоя на земле, подполковник производил впечатление потрясающего солдата, равного которому нет и быть не может. Он был на полголовы выше любого воина своего батальона, а военная форма шотландского гренadera удивительным образом подчеркивала горделивую красоту его лица. Именно в этот момент, когда в сумеречном свете фигура подполковника мощно возвысилась над всеми тремя ротами шотландцев, стало очевидно, сколь уместна данная ему кличка Черного Комина. Только сейчас, в последних бликах солнечных лучей, его темное обветренное лицо внезапно полыхнуло странным таинственным светом.

Во всем его облике и впрямь было что-то фантастическое и сверхъестественное. Неспорно суеверные солдаты украдкой бросали на него испуганные взгляды, словно перед ними возник блуждающий дух, какие часто забредают на гору Бен Невис или в долину Гленко. Как только была установлена его палатка, подполковник забрался в нее и больше уже не показывался. Вопреки патриархальному обычаю шотландской армии Черный Комин никогда не садился за один стол со своими офицерами. Еду ему всегда подавали отдельно. Он всегда был один, в полном одиночестве, и на отдыхе, и на марше.

Прежде чем уединиться, он отдал распоряжения майору Моубрею, который теперь остался за старшего. Как только его темное лицо исчезло из виду, все сразу почувствовали заметное облегчение. Оставалось лишь дожидаться, пока ординарец стреножит лошадь подполковника и заведет ее в специальную палатку, служившую своего рода конюшней. Судя по всему, лошадь воздействовала на солдат так же, как и ее хозяин. Во всяком случае, когда полог за ней был задернут, все лица просветлели и люди весело взялись за работу.

– Что ни говори, а лошадка очень даже благородная! – пробормотал солдат Макферсон, выразив такими словами сложное чувство, в котором смешались восхищение и отвращение.

Похожее чувство испытывали все его товарищи.

– И хозяин у нее человек отважный! – со вздохом добавил капрал Грант.

Понимать это надо было так: и благородство, и отвага сами собойразумеются, досадно лишь, что и конь, и хозяин продались дьяволу!

Мы уже отмечали, что подразделение шотландских хайлендских стрелков живет как единая семья. К этому следует добавить, что речь идет о весьма богатой семье, отягощенной разнообразным походным имуществом и многочисленным обслуживающим персоналом. Сразу оговоримся, что такое положение дел мы вовсе не считаем преимуществом шотландских частей, особенно когда они находятся в полевых условиях. По существу, эти brave gentlemen – офицеры, унтер-офицеры и солдаты – таскают за собой чуть ли не весь свой домашний скраб.

Представьте себе действующую армию, за которой следует еще одна, не менее многочисленная армия, в задачу которой входит лишь чистка сапог участников боевых действий и приготовление для них бифштексов с кровью. Но и это еще не все. Вслед за второй армией неотступно движутся нескончаемые крытые повозки с преданными дамами и барышнями, охраняющими сон маленьких детей.

Тех, кто усматривает в нарисованной картине заведомое преувеличение, мы отошлем к детальным сводкам боевых действий во время американской войны за независимость. В них, в частности, сообщается, что в ходе кровопролитных боев у форта Вильям погибли шесть дам и вдвое больше детей. А при отступлении Веллингтона после битвы у Талаверы наши солдаты

остановили на мосту через реку Арзобиспо более двадцати крытых повозок с семьями солдат и офицеров, которые пришлось конвоировать чуть ли не до самой Португалии.

Впрочем, три роты Черного Комина не возили за собой ни женщин, ни детей, потому что они занимались главным образом разведкой, как и добрая четверть всей армии Веллингтона. Разведка – дело весьма утомительное, вследствие чего дамы вместе с их камеристками могли бы слишком сильно устать. Но зато за шотландскими солдатами следовал целый батальон обслуживающего персонала, благодаря чему лагерь был разбит с потрясающей скоростью. В мгновение ока были установлены палатки, после чего сразу разожгли костры, над которыми уже через минуту вращались вертела с кусками говядины, а над ранеными – своими и чужими – колдовали шотландские хирурги.

Французские пленные с восхищением взирали на эту великолепную кухню под открытым небом, на которой хлопотали истинные мастера кулинарного искусства. В лагере короля Жозефа, расположенном на другом берегу реки Гвадаррамы, еда готовилась просто и без церемоний, но на содержимое своих котелков французские солдаты никогда не жаловались.

Уже через минуту и Никчемный, и Милый Августин буквально захлебывались слюной, не говоря уже о Тулузце и Новом Мосте, которые всегда отличались неумеренным аппетитом. Однако ни один пленный – от лейтенанта до последнего солдата – не уронил своего достоинства. Желудки могли сколько угодно петь и урчать, но национальная гордость без труда заставляла их умолкнуть. Ноздри, конечно, жадно раздувались, с этим ничего нельзя было поделать, но глаза французов с великолепным безразличием взирали на куски жареного мяса исполинского размера.

– Спокойно, дети мои! – приговаривал сержант Морен, голос которого стал заметно мягче, как только до его ноздрей долетел запах мясного сока, стекавшего в поддоны под вертелами. – Надо уметь ждать, как тот Тантал, что жил в самые древние времена.

– Надеюсь, эти голоногие не посадят нас на хлеб и воду, – пробормотал Милый Августин. – А если и посадят, то в утешение будем помнить о нашем священном знамени... К тому же до того, как мы встретились с ними в наказание за наши грехи, нас и так кормили одним сырым луком... В общем, *не дрейфь!*

В это же время в стороне от всех под старым ясенем расположился Эктор де Шабанель. Он сидел, обхватив голову руками, и даже ни разу не взглянул на костры, на которых шотландцы готовили свой обильный ужин. Увидев его лицо, нетрудно было догадаться, сколь горьки были мысли, терзавшие молодого человека. Казалось, на своем будущем юноша решительно поставил крест. Когда ярко полыхнули костры, и по кронам ясеней заметались быстрые тени, он быстро огляделся, чтобы убедиться, что никто за ним не следит, ни товарищи, ни враги.

Успокоившись, он запустил руку за пазуху и извлек из-под рваной униформы золотой медальон с чеканкой тонкой работы, помещенный по испанской моде в кружевной чехольчик. Затем он нажал на потайную кнопку, после чего открылась крышка, и внутрь медальона проник тусклый отблеск костра, который осветил портрет улыбающейся шестнадцатилетней девушки, полускрытый черным кружевом. На крышке посредством чеканки были изображены странным образом переплетающиеся буквы. Внимательно взглядевшись в них, можно было прочесть: *M.J.G.C.*

Молодой лейтенант долго не отрывал взгляд от портрета. Появившаяся на его губах печальная улыбка до странности напоминала улыбку на устах изображенной девушки. Ее красивое лицо было обрамлено длинными вьющимися волосами, казавшимися даже темнее черного кружевного чехольчика. Внезапно послышался какой-то шум, что-то шевельнулось в вечерней полутьме, и все это заставило лейтенанта отвести взгляд от портрета.

Поначалу он не заметил ничего конкретного, но вскоре, словно из темного вечернего воздуха, появился всадник весьма приятной наружности. Он был одет на испанский манер,

но при этом во всем его облике было что-то неуловимо восточное. Свет факелов выхватил из тьмы мощный и благородный силуэт его лошади, которая по мере приближения к лагерю вызывала у лейтенанта, знавшего толк в лошадях, все большее восхищение своей мощью и горделивой статью.

Лошадь двигалась шагом по песку, и каждый удар ее копыта вызывал на песке белое, почти фосфоресцентное свечение. В сгустившихся сумерках Эктор никак не мог разглядеть ее истинный окрас, который в вечернем полусвете казался просто темным без каких-либо нюансов. Всадник неуловимым движением остановил лошадь в пятидесяти туазах от лагеря. Повинуясь всаднику, она застыла и в своем великолепии стала похожа на отлитого из бронзы коня, достойного нести на себе античного героя.

– Кто идет? – крикнул английский часовой, стоявший на посту на опушке перелеска.

– Ваш друг Педро, – отозвался всадник, внезапно натянув удила.

В ответ благородная лошадь взвилась на дыбы и в три скачка преодолела пространство, отделявшее ее от родника.

Занятые работой шотландцы оживились и, выкрикивая приветствия, сгруппировались вокруг иностранца, которого они, несомненно, были очень рады видеть.

– Гонец! – неслось со всех сторон. – Педро де Томар и его волшебная лошадь! Сегодня после ужина будем слушать испанские песни и захватывающие истории!

– Как поживаете, сеньор гонец? – на правах старшего офицера поинтересовался Красный Дик. – Давненько мы не видели вашего Алазана, этого короля скачек! Вы привезли какие-нибудь новости из штаба?

– Добрый вечер, майор Моубрэй, – на чистейшем английском с очень легким местным акцентом ответил сеньор Педро. – И всем вам, джентльмены, добрый вечер. Я в порядке прогулки проехался к вам из Талаверы и привез послание от верховного главнокомандующего.

– Неужели, уважаемый гонец, вскоре состоится сражение? – послышался чей-то голос.

– Оно состоится, как только сэр Артур Уэлсли примет решение, джентльмены... А что подполковник? Он в своей палатке?

– Он приказал немедленно привести вас к нему, – ответил Красный Дик.

Сеньор Педро де Томар, старший офицер связи штаба армии его величества в Испании, спрыгнул на землю. Пока он, не теряя гордой сдержанности, обменивался сердечными рукопожатиями с офицерами и даже с простыми солдатами, огни факелов и костров высветили всю его стройную фигуру.

Что касается Эктора то он, по правде говоря, был немало удивлен тем, что уделил этому человеку так много внимания. В самом деле, неужели достаточно взглянуть на красивого всадника и бесспорно благородную лошадь, чтобы отвлечь отчаявшегося человека от терзающих его мрачных мыслей? Но в данном случае дело обстояло именно так. Впавший в уныние Эктор де Шабанель смотрел во все глаза на вновь прибывшего и не мог оторвать взгляда.

Поначалу ему показалось, что лошадь своим внешним видом даст всаднику сто очков вперед, но теперь Эктор не сводил глаз именно с всадника, чьи телосложение и лицо оказались по меньшей мере столь же примечательными, как и наружность его скакуна.

На вид мужчине было лет двадцать восемь или около того. Роста он был среднего, но в своем облегающем испанском костюме мог бы служить образцом истинно мужской красоты.

Его темное матово-бледное лицо с резкими и вместе с тем тонкими чертами окаймляла черная шелковистая борода. В глазах гонца застыло веселое выражение, которое так и хотелось назвать рыцарским из-за того, что в серьезном и галантном взгляде кабальеро проскальзывала неуловимая смесь спокойной отваги и нескрываемой насмешки. Такое выражение глаз никак нельзя считать испанским и тем более английским. Выше мы употребили прилагательное восточный, но только оттого, что нам доводилось встречать подобные европейские физиономии, на которые наложили отпечаток обычаи и нравы Востока. Однако в облике сеньора

Педро де Томара если и было что-то арабское, то только в виде какого-то неуловимого намека, который невозможно описать словами. Что же касается его костюма, то восточный вид ему придавал легкий бурнус из белого кашемира, небрежно накинутый на бархатную куртку, украшенную богатой вышивкой.

Завершая описание костюма, отметим его бархатные брюки, перехваченные широким андалузским поясом, и кордовские башмаки из грубой кожи, к каблукам которых были прикреплены короткие шпоры без колесиков, имевшие форму кинжалов.

Поприветствовав должным образом шотландцев, сеньор Педро без всяких церемоний самолично стреножил свою лошадь. Такая простота манер никого не удивила, потому что всем было известно, что подобные действия он никогда и никому не доверял. Вслед за этим он открыл небольшой цилиндрической формы несессер, напоминавший дорожную шкатулку кавалера, заботящегося о своей внешности, и стал по очереди доставать из него различные щетки и скребки, каждый из которых соответствовал той или иной стадии туалета его драгоценного Алазана.

Каждое движение, сопровождавшее уход за лошастью, было исполнено невероятной тщательности, ласковой заботы и очевидного удовольствия. Красный Дик дважды добродушно, но настойчиво напоминал ему, что его с нетерпением ожидает подполковник. После первого напоминания Педро с улыбкой поклонился, а после второго ответил:

– Когда речь идет о моем Сиди-Алазане, джентльмены, я готов заставить ждать даже главнокомандующего.

Великолепная лошадь, которая в свете факелов теперь казалась еще краше, воспринимала процедуру чистки с явным наслаждением. Время от времени она прикасалась губами к лицу хозяина и отвечала на его заботу чуть слышным ржанием.

Это был арабский скакун, возможно, не самых чистых кровей. О его принадлежности к изысканной арабской породе свидетельствовали благородная посадка головы, характерная форма груди, нервные и крепкие, как сталь, ноги и мощный круп.

Судя по кличке¹⁷, лошадь была классически рыжей, но в свете факелов ее шерсть с медным отливом казалась обожженной огнем и приобретала особый оттенок – бронзовый с прозеленью. Издалека в солнечном свете этот металлический отблеск производил такое поразительное впечатление, что жители долины Тахо, по которой постоянно курсировал главный гонец, стали наделять лошадь сверхъестественными качествами и даже прозвали ее *caballo verde*¹⁸.

Закончив чистку лошади, сеньор Педро расчесал ей гриву и хвост, разгладил каждую шерстинку и промассировал каждую мышцу.

– А теперь подайте мне мою порцию порто! – сказал он, обратившись к офицерам.

Его привычки, несомненно, были хорошо известны. Именно по этой причине за его спиной постоянно находился один из слуг, державший в руках поднос с особой бутылкой, в каких хранят португальские вина, и большой стакан, в каких принято подавать эль. Из бутылки выбили пробку и наполнили стакан до краев. Сеньор Педро смочил в вине губы, поклонился и провозгласил:

– За здоровье шотландских гренадеров!

Затем, отпив глоток, он смочил оставшимся вином ноздри, уши, спину, ноги и копыта Алазана, который в это время радостно ржал. По ходу процедуры вино было израсходовано до последней капли.

Французские пленные только тяжело вздыхали, наблюдая подобное расточительство.

– За бутылку такого порто просят двадцать пять реалов! – пробормотал Милый Августин.

¹⁷ Алазан по-арабски «рыжий». Так называли в Испании лошадей равномерно рыжего окраса всего тела и головы. Конечно рыжих особей имеют тот же оттенок, что и корпус, и в этом заключается их основное отличие от гнедых лошадей.

¹⁸ Зеленая лошадь (*исп.*).

– Получается, – мгновенно подсчитал Новый Мост, – что он на два с половиной франка вылил вина на спину своей животины!

– У нее от этого шерсть будет лучше расти, – отозвался измученный жаждой Тулузец.

Никчемный ограничился тем, что жадно облизал губы.

– У каждого свои привычки и тут ничего не поделаешь, – подытожил сержант. – Что же касается меня, то я бы с удовольствием обмакнул корочку-другую в то вино, которое осталось в бутылке. Что уж тут говорить, мечтать не вредно!

Не успел он закончить свою речь, как к нему приблизился капрал Грант, здоровенный добрый малый, щеки которого были разукрашены шрамами. В руках он держал ведро и бутылки. Все это он уложил у ног сержанта, после чего сказал:

– Мы считаем вас своими товарищами. Вот почему майор Моубрэй приказал, чтобы мы относились к вам, как к самим себе. Вас мы обеспечим раньше, чем самих себя. Если желаете сделать грог, то пользуйтесь водой из родника. А если предпочитаете пить чистое вино, то вот вам мерный сосуд из тыквы. Каждый может выпить целый такой сосуд, не опасаясь, что кому-то не хватит.

Пехотинцы слушали его, раскрыв рты.

Сержант, чуть не плача, схватил протянутую руку капрала.

– Господи!.. – пробормотал он. – К нам, как к самим себе... Получается, что шотландцы – это совсем не англичане!

Тулузец и Новый Мост, последовали его примеру и тоже выдавили из себя слова благодарности. Никчемный открыто вытер мокрые от слез глаза, а Милый Августин чуть слышно выразил надежду на то, что к жидкой части ужина приложится и твердая часть. Теперь каждый, не скрывая, пялился на золотистые куски говядины, аппетитно дымившиеся над огнем.

Пока капрал Грант раздавал вино, Новый Мост и Тулузец схватили ведро и вызвались сходить за водой. Вокруг родника уже давно толпился народ, и в ведра и кувшины весело лилась вода.

В палатке подполковника прозвенел колокольчик.

– Командир зовет вас, сеньор Педро, – с улыбкой произнес Красный Дик. – Вам пора вспомнить о нем.

– Осталось только добраться до родника и напоить лошадь, майор Моубрэй, – спокойно ответил гонец. – Алазан хочет пить.

Он запрыгнул в седло и шагом направился к роднику, где толпились люди с ведрами и кувшинами. Глядя на него, офицеры не смели даже рта раскрыть, потому что в это время в палатке подполковника не умолкая звонил колокольчик.

– Он страшно разозлится, – чуть слышно прошептал Красный Дик.

– Не беспокойтесь, господин майор, – громко произнес услышавший его гонец. – Мой Алазан легко примирит его со мной, так что не волнуйтесь и наберитесь терпения.

Собравшиеся у родника невольно расступались, освобождая лошади проход. Люди молчали, и слышалось только журчание воды, переливаемой из ведер в бутылки. Французы уже успели намешать для себя грог, и Новый Мост, протягивая Морену сосуд из тыквы, торжественно провозгласил:

– Сержант, по заслугам и честь. Начинайте первым, вам это будет приятно.

Алазан остановился у края родника в том самом месте, где в песке отпечатались копыта гигантского коня Черного Комина. Гонец отпустил повод, и Алазан потянулся своей изящной головой к воде, казавшейся прозрачной и чистой, как кристалл.

В тот момент, когда его язык коснулся воды, взгляд сеньора Педро случайно упал на камушки, выложенные в форме креста справа от родника. Он резко потянул повод, заставив Алазана отпрянуть от воды, и срывающимся голосом, разом утратившим свое обычное спокойствие, спросил:

– Кто-нибудь уже пил воду из этого родника?

III

Дон Педро де Томар

Как утверждает пословица, долг путь от чаши до губ. По своему обычаю, французские пехотинцы всегда стараются по возможности сократить этот путь. Но пословица вещь упрямая, как к ней ни относиться, вот и сейчас вопрос сеньора Педро прозвучал именно в тот момент, когда сержант Морен уже закручивал свои усы, чтобы беспрепятственно влить в себя содержимое сосуда из тыквы. Пришлось ему резко прервать это приятное занятие, и его примеру последовали все остальные, потому что раскатистый голос гонца, перекрыв все разговоры, долетел до самого дальнего угла военного лагеря.

В этом голосе все слышали суровое предостережение, усиленное еще и тем, что сеньор Педро резко развернул свою лошадь и пустил ее по кругу, пытаясь отогнать людей подальше от родника.

Подчиняясь его твердой руке, одновременно сдерживающей и погоняющей лошадь, умное животное било всеми четырьмя копытами, разбрасывая тучи песка, которые быстро превратили чашу родника в яму, полную жидкой грязи.

– Никому не пить воду! – поспешно приказал Красный Дик.

Но этот приказ был явно лишним, потому что каждый сразу понял, что, как выражаются на своем жутком жаргоне испанские мстители, воду в роднике Сен-Жюльен успели *подсластить*. Шотландцы мгновенно вылили на землю содержимое своих бачков, тогда как французские солдаты медлили, бросая меланхолические взгляды на возжеленную жидкость. Новый Мост выразил всеобщее мнение, заявив:

– Как можно выливать столько рома из-за капельки яда?

Отвечая на вопрос Педро, кто-то из солдат вспомнил, что из родника пил лишь конь Черного Комина.

– У него кличка Эребус¹⁹, – добавил солдат Макферсон, – а это имя пришло прямоком из ада. У коня Черного Комина тоже имеется договор с дьяволом. Он не умрет ни от яда, ни от пули.

– Быстрее в конюшню! – крикнул гонец.

После этих слов все кинулись в отдельную палатку, в которой держали Эребуса. Как только откинули полог, все увидели, что огромный конь распростерся во всю свою длину на земле. Голова его была опутана растрепавшейся гривой, свидетельствуя о том, что несчастное животное билось в конвульсиях. Из его полуприкрытых глаз катились кровавые слезы, ноги коня слабо подрагивали, и только этот признак указывал на то, что он еще жив. При виде собравшихся людей конь попытался встать и громко заржал, после чего уже не шевелился.

Все лица разом побледнели от ужаса. И это понятно, ведь даже самый храбрый солдат готов встретить смерть только на поле боя. Макферсон осенил себя крестным знаменем и сказал:

– Конь покинул нас, и человек отправится вслед за ним. Таков договор с дьяволом.

Из конюшни имелся проход в палатку Черного Комина. Тот резко откинул разделявший палатки полог и, появившись в проеме, гневно произнес:

– Я жду!

В этот момент его взгляд упал на коня. Подполковник сделал удивленный жест. Педро, не глядя на него, открыл свою дорожную сумку и достал из нее флягу. Он с усилием разомкнул

¹⁹ Эребус (Эреб) – в греческой мифологии олицетворение вечного мрака, порождение Хаоса и брат Ночи (Нюкты).

уже оцепеневшие челюсти Эребуса, влил ему в пасть несколько капель голубоватой жидкости, после чего отпустил голову коня и повернулся к Черному Кому.

– Ваше превосходительство, – сказал он, – мне требуется время, чтобы показать вашим людям другой родник, потому что у меня нет с собой достаточного количества бальзама Фьерабраса²⁰, чтобы воскресить всех и каждого.

– Показывайте, но побыстрее, – холодно отозвался Черный Кому.

Он повернулся и скрылся в своей палатке.

Макферсон пощупал сердце Эребуса и покачал головой.

– Тут никакой бальзам не поможет, – буркнул он. – Мы бы тоже, как и он, отдали концы, если бы глотнули этой дьявольской водички!

В двадцати шагах от родника Сен-Жюльен на земле лежал огромный камень, полускрытый густой зеленой травой. Педро раздвинул траву, под которой обнаружилось вмурованное в камень кольцо.

– Поднимите камень, – приказал он.

Солдаты повиновались, и сразу на том самом месте из земли с шипением вырвалась вода, пузырясь в ярком лунном свете.

– Пейте смело, – сказал Педро. – Это припасено для отравителей, которые, как и все, хотят пить.

В подкрепление своих слов он сложил ладони ковшиком, наполнил их водой и сделал несколько глотков. Через мгновение он уже стоял на пороге палатки Черного Кому, и еще через секунду за ним задернулся полог.

К тому времени ужин уже был готов, страсти потихоньку утихли, и на всех напал зверский аппетит. Посреди лагеря соорудили из досок длинный стол, а вокруг него прямо на сухой траве расстелили множество подстилок.

Что касается Эктора, то он перестал обращать внимание на все, что творилось вокруг него, и вновь погрузился в свои печальные мысли. Но внезапно у него над ухом послышался командный голос Красного Дика, заставивший лейтенанта резко вскочить.

– Будет вам, лейтенант! – громко сказал офицер. – Давайте выпьем за ваше здоровье!

Перед Эктором стояли два неразлучных офицера – бравый майор Моубрэй и лейтенант Эдвард Уэлсли.

– Сударь, – ласковым и нежным голосом произнес шотландский лейтенант, – наши друзья, офицеры батальона, поручили нам пригласить вас к столу. Ужин готов, место для вас подготовлено. Что касается меня, то я еще ни разу с таким удовольствием не выполнял данные мне поручения.

Эктор встретился взглядом с молодым шотландцем, глаза которого излучали истинно рыцарскую доброжелательность. Он без колебаний пожал протянутую ему руку, но его моральное состояние до такой степени не соответствовало радостям застолья, что он все же пробормотал слова вежливого отказа. Однако Красный Дик решительно схватил его под руку и заявил:

– Невозможно отказаться, сударь! Отступать вам некуда. Взгляните, наши солдаты уже усадили ваших товарищей рядом с собой... Не молчите, мисс Нед, какого черта, вы ведь гораздо красноречивее, чем я!

– Если требуются дополнительные аргументы, чтобы убедить господина де Шабанеля, – с улыбкой произнес Уэлсли, – то я скажу, что между Францией и Шотландией давно установились отношения дружбы и даже родства. Наша прекрасная королева из рода Стюартов была почти француженкой. К этому добавлю, что нынешние события не должны вызывать у вас ни стыда, ни обиды, потому что все мы исполнили свой долг, а тот, кто уступил десятикратно большей силе, не должен считать себя побежденным.

²⁰ Легендарный бальзам, которым умащивали тело Христа, якобы захваченный сарацинским великаном Фьерабрасом.

– Хорошо сказано, мисс Нед! Что вы на это ответите, лейтенант?

– Хочу еще добавить, – сказал шотландец, беря Эктора под другую руку, – что мне до такой степени понравился господин де Шабанель, что, если он не пожелает сидеть рядом с нами, то я готов с его позволения один разделить с ним его ужин.

Эктор взглянул на него с нескрываемым удивлением.

Пододошедший к ним в этот момент капрал Грант приложил руку к берету и сказал:

– Господин лейтенант, ваши солдаты, ваши отважные товарищи, просят разрешения поужинать с нами.

– Разрешаю! – воскликнул Красный Дик. – Я сам буду давать разрешения французским военным. А теперь вперед, и пусть будет стыдно тому, кто сморщится при виде нашего рост-бифа!

Эктор увидел обращенный к нему взгляд сержанта Морена и утвердительно кивнул. Вдохновленные полученным разрешением Новый Мост и Тулузец радостно подпрыгнули на месте, а Милый Августин, забыв о том, сколь печально их положение, сотворил пируэт. Что касается Никчемного, то он возблагодарил всех святых своего городка за тот неожиданный дар, который небо послало его желудку. Кончилось тем, что весь французский отряд отправился на ужин под ручку с шотландскими гренадерами.

После такого приема сопротивляться уже было невозможно. К тому же искреннее гостеприимство отважных шотландцев, словно волшебный бальзам, излечило душевные раны Эктора. Ему уже приходилось иметь дело с англичанами, и от общения с ними у лейтенанта остались не слишком приятные воспоминания, но эти простые и отважные горцы моментально покорили его сердце. Эктор последовал примеру своих солдат и был встречен приветственными криками за офицерским столом, где он занял почетное место между председательствующим Красным Диком и всеобщим любимцем Нед.

Впрочем, готовность лейтенанта брать пример со своих солдат ограничилась лишь его согласием принять приглашение на ужин. И если весь отряд военнопленных, нисколько не стесняясь, демонстрировал, на что способны французские желудки, то лейтенант помимо собственной воли замкнулся в себе и почти не притрагивался ни к стакану, ни к содержимому своей тарелки. Зато Тулузец и Новый Мост с любовным трепетом сжимали в руках сосуды из тыквы, Милый Августин без устали расточал все известные ему шуточки и каламбуры, а Никчемный, став гостем британской армии, вдруг ощутил, сколь сильно возросла его значимость. Ну а сержант Морен вел себя, как подобает ветерану Французской республики, и старался за один раз наверстать все то, что ему не удалось вкусить в голодные дни испанской кампании.

После десерта подали кофе, которого в этом образцовом полку всегда было вдоволь. Надо заметить, что в голодной Испании английская армия жила так, словно находилась в блаженной стране Кокань²¹. А в тот момент, когда на офицерском столе, словно в лондонском жокей-клубе, появилась фарфоровая посуда, раздались приветственные крики, и припозднившийся сотрапезник занял пустовавшее место напротив старшего офицера. Это был сеньор Педро, завершивший официальную встречу с подполковником.

– Джентльмены, – сказал он, садясь за стол, – после той тоски, которую нагнал на меня ваш отважный подполковник, мне жизненно необходимо вдоволь посмеяться, насладиться беседой и вдрызг напиться. А еще он заставил меня поужинать с ним, и теперь у меня случится несварение желудка.

– Что за новости вы привезли, уважаемый гонец? – спросил капитан Темпл из второй роты.

²¹ Кокань, Кокейн (*Pays de Cognae, The Land of Cockaigne*) – во французском и английском фольклоре страна изобилия и безделья с винными реками и пирогами на ветках.

– К черту новости, сударь! Если хотите, я могу спеть, но только после того, как херес расслабит мой оцепеневший организм. Могу также рассказать, что творится в Мадриде и во французском лагере. И там и там не счесть прелюбопытных анекдотов. Но клянусь честью, что сегодня вечером вы не услышите от меня ни одного серьезного слова.

Капитану Темплу, жаждавшему услышать новости, сделали выговор, а слова офицера связи встретили аплодисментами.

И вновь внимание Эктора де Шабанеля помимо его воли оказалось прикованным к этому человеку. Впрочем, это было объяснимо, потому что вряд ли было возможно встретить в Испании или где-либо еще человека со столь примечательной физиономией. Сейчас при свете свечей Эктор смог в полной мере оценить удивительно умное и дерзкое выражение его лица. Если будет позволено такое сравнение, то я осмелюсь сказать, что его красота была столь же совершенна (хоть и эксцентрична), как и красота его лошади. В лице сеньора де Томара чувствовалась порода в полном смысле этого слова, и, хотя в чистоту породы сыновей Адама поверить труднее, чем в чистоту лошадиной породы, в его случае можно было смело говорить об истинной породистости. Даже не зная, к какому именно роду он принадлежал, можно было с уверенностью утверждать, что перед вами чистопородный испанский дворянин.

Впрочем, не это обстоятельство служило главным признаком его притягательного величия. Больше всего поражали его манера держаться, а также холодная, но веселая невозмутимость и безудержная смелость поступков, которые прекрасно сочетались с чисто испанской флегматичностью. Сказать о нем что-то более определенное невозможно, потому что он весь был соткан из нюансов и полутонов.

В сфере духа, как и в материальном мире (я, главным образом, имею в виду химические процессы), смеси способны производить на свет совершенно неожиданные и полные нюансов продукты, которые по своим свойствам и энергетике ни в чем не уступают исходным компонентам. Именно таким был сеньор Педро, обладавший очень сложной индивидуальностью и ни с чем не сравнимой оригинальностью, для личности которого были характерны исключительные яркость и многокрасочность.

Достаточно изучить так называемые *stud-books*²² английского дворянства, чтобы убедиться в том, что смешение не наносит ущерба породе при условии, что *sire* и *dame*²³, то есть отец и мать, относятся к разным ветвям породистой английской аристократии.

На первый взгляд сеньор Педро де Томар казался очень прямодушным, но, приглядевшись, можно было заметить, что прямодушен он скорее от гордости, чем от прямоты характера. Его флегматичность подчас сменялась самой неожиданной веселостью, но это веселье не выходило за рамки четко очерченных границ, которые лондонский *true gentleman*²⁴ или мадридский *caballero vero*²⁵ чувствует инстинктивно и не перейдет никогда и ни под каким видом. Характер его был темпераментный, но не взрывной, а его готовность оказать услугу больше походила на снисходительность.

Эктору, чтобы разобраться в столь непростой гамме нюансов, хватило нескольких минут, тогда как отважным шотландцам на это могло не хватить и целой жизни. Объясняется это тем, что Эктор принадлежал к такому разряду людей, которые оценивают все и вся, руководствуясь шестым чувством и врожденным инстинктом. Шотландцам же такие чувства и инстинкты пока еще неведомы.

Эктор даже умудрился разглядеть за уверенными и раскованными манерами сеньора Педро незаметную и тщательно скрываемую настороженность, чем, возможно, и объяснялось

²² Родословные книги (англ.).

²³ Господин и дама (англ.).

²⁴ Истинный джентльмен (англ.).

²⁵ Истинный кабалеро (исп.).

его необычное внимание к этому человеку. Лейтенанта немало удивляла зародившаяся в нем необъяснимая симпатия к простому гонцу, впрочем, умеряемая столь же необъяснимым недоверием. Молодой человек чувствовал себя уязвленным оттого, что этот персонаж, выглядевший столь блестяще несмотря на скромность своего звания и должности, полностью завладел его мыслями, и он всеми силами пытался разгадать тайну его привлекательности. Возможно, разгадка заключалась в той популярности, которой пользовался штабной офицер связи среди солдат-джентльменов этой маленькой армии.

Одновременно Эктор не мог не признать, что Педро был способен нравиться французам не меньше, чем шотландцам. Было в нем какое-то скрытое, но весьма существенное, превосходство, а также очарование, которым он покорял буквально с первого взгляда. Такой дар, будучи направленным на женщин, вводит их в соблазн, что наглядно продемонстрировал незабвенный Дон Жуан. Что же касается его воздействия на мужчин, то для него пока не придумано названия, но оно может быть охарактеризовано такими расплывчатыми понятиями, как привлекательность и даже гипнотическое внушение.

В целом же внешность гонца резко контрастировала с тяжеловесной плотской красотой окружавших его шотландских великанов. Его мягкие темные волосы, напоминавшие женские локоны, были стянуты на затылке, оставляя открытым лоб, на котором благородно играли блики неяркого света костров. Вокруг его глаз выделялись темные круги, несомненно, вызванные усталостью, но взгляд кабальеро из-под круто выгнутых бровей оставался твердым, ясным и молодым. Именно глаза сообщали лицу гонца несколько вызывающее выражение, которое мгновенно исчезало, как только на его губах появлялась улыбка. Слегка орлиный нос Педро имел очень строгие очертания, которые несколько сглаживались благодаря очаровательному контуру губ, вылепленных в античной манере и выглядевших очень мощными и изящными. Впрочем, стоило его взгляду воспламениться, а нахмуренным бровям сойтись, как те же губы преобразались и застывали в грозном молчании.

В тот вечер он все больше молчал и лишь улыбался в ответ на многочисленные тосты гостеприимных горцев.

– Откуда вы явились к нам на этот раз, гонец? – спросил его Красный Дик, когда были наконец произнесены все тосты за здоровье гостя.

– Из Толедо, майор, проездом через Талаверу.

– Говорят, что вы пробрались через линию французских войск, которые стоят на левом берегу Гвадаррамы.

– Так и было, сударь. Я проехал через их порядки и даже вполне сносно поужинал с неким полковником их легкой кавалерии, который отнесся ко мне, как к доброму гостю и приятному собеседнику.

– У этого полковника неплохой вкус!

– Да, вкус у него неплохой... Прежде чем вернуться в наш штаб в Талавере, мне еще надо было передать сообщение маршалу, а потом пообщаться с генералом...

– Что за маршал и что за генерал? – со смехом спросил Красный Дик.

– Маршал Журдан²⁶ и генерал Уэлсли.

Эктор весь превратился в слух. Оказывается, этот человек еще и выполняет обязанности посла, и при его посредничестве ведутся тайные переговоры! Не поможет ли это освобождению плененных французов?

– Скажите, гонец, когда вы в последний раз посещали Мадрид? – спросил капитан Темпл.

– Вчера, сударь.

– И что говорят в Мадриде?

²⁶ Наполеоновский маршал.

– Там, сударь, в основном рассказывают сказки. А еще в Прадо и в церквях обмениваются многозначительными взглядами. Мадрид был и остается городом очень занятых людей.

– О каких сказках вы говорите, гонец?

– Каких только сказок не слушаешься, но среди них есть особенно популярные. Сейчас в моде сказка про капитана Фантома.

– Капитан Фантом! – повторили вслед за ним сотрапезники.

Прозвучавшие слова достигли ушей французских пехотинцев, которые до этого момента усердно отдавали должное шотландскому гостеприимству. Все они разом умолкли и навестили уши. Окружавшие их шотландцы уже давно помалкивали. Дело в том, что в Шотландии даже глухой способен навести уши, когда речь заходит о фантомах. Но никто так живо не отреагировал на эти слова, как наш молодой лейтенант Эктор де Шабанель. Он вздрогнул и сильно побледнел. Нед, проявлявший о нем истинно братскую заботу, дал совет:

– Выпейте глоток бренди, лейтенант, мне кажется, вам нехорошо.

Эктор поблагодарил его и сделал попытку улыбнуться.

– А в штабах тоже говорят о капитане Фантоме? – поинтересовался Красный Дик.

– Даже больше, чем в Мадриде, сударь. Вчера, когда я завтракал в штабе маршала, ни о чем другом не говорили, кроме как о капитане Фантоме.

– Да кто он такой, этот капитан Фантом? – тихо спросил солдат Макферсон.

Морен подкрутил ус и сказал:

– Это захватывающая история.

– И невероятно правдивая! – добавил Милый Августин.

– Эй, кто там открыл рот без команды? – встрял Новый Мост. – То, что рассказывает этот штафирка, действительно интересно и поучительно.

– Но что самое удивительное, – заметил в этот момент Нед, – так это то, что наш отважный гонец беспрепятственно проникает во французский лагерь...

– Я там бываю чаще, чем у вас, Уэлсли, – перебил его сеньор Педро.

– Что-то я тебя там раньше не встречал! – чуть слышно пробормотал сержант Морен и сурово сдвинул густые брови. – Больно ты похож на шпиона. Это так же верно, как то, что до Республики Парижем вертел король!

В этот момент Новый Мост и Тулузец одновременно наступили ему на ноги. Сержант вскинулся, чтобы оправдаться:

– А что! Мы ведь здесь не на гулянке. Марселец²⁷ бы сказал: «Держи нос по ветру!» – золотое правило солдата, когда вокруг пахнет жареным.

– Но как, черт побери, у вас это получается? – воскликнул Красный Дик. – Неужто в штабе короля Жозефа все ослепли?

Гонец улыбнулся и маленькими глотками допил свой стакан хереса.

На вопрос Красного Дика сеньор Педро ответил с улыбкой, но холодно и уклончиво.

– Сударь, – сказал он, – будь я не испанец, а француз, и служи не генералу Уэлсли, а маршалу Журдану. Как думаете, изменилось бы что в моем поведении? Вот вы очень хорошо принимаете меня у себя, и на то есть свои причины. Французы поступают точно так же, но по своим соображениям. Разница заключается в том, что ремесло лазутчика у вас в чести, и многие истинные джентльмены не гнушаются этим занятием, тогда как в стане противника к этой весьма полезной профессии не испытывают столь же горячей симпатии. Полагаю, что такое положение вещей объясняется простым обстоятельством. Дело в том, что в этой недружественной для них стране французы не в состоянии обзавестись шпионами. Лисица всегда отыщет изъяны в винограде, до которого она не может дотянуться. Встаньте на мое место, и вы поймете, почему во французском лагере я чувствую себя так же вольготно, как и среди вас. Не

²⁷ Традиционно: марселец – символ осторожности, это сметливый торговец или недоверчивый моряк.

приходится сомневаться в том, что сэр Артур руководствовался совершенно определенными соображениями, когда его выбор пал на меня. По-французски я говорю так же свободно, как по-испански и по-английски. Не буду скрывать от вас, что по ту сторону фронта сеньор Педро де Томар носит совсем другое имя. Там меня величают не гонцом, а разведчиком маршала, а те, кто предпочитают более грубый язык, позволяют себе называть меня шпионом. Но мне, господа, это совершенно безразлично, потому что я признаю только одного судью, имя которому моя совесть.

Последние слова были произнесены весьма высокомерно.

– Совесть мерзавца! – буркнул сержант. – Только попадись мне в чистом поле! Тогда уж не обессудь!

Теперь Эктору стала ясна причина непроизвольного отвращения, поборовшего симпатию, которое он испытал, впервые увидев этого человека.

– Вам, гонец, не требуется никакой судья! – воскликнул Красный Дик. – Вы испанец и служите Испании.

– Я служу своей стране, это правда! – произнес Педро де Томар, в голосе которого чувствовалось сильное волнение. – Когда в руке ломается шпага, солдат использует оружие льва и бьется когтями.

В груди Эктора что-то оборвалось, а в то же самое время сидевшие за столом встретили это энергичное сравнение приветственными криками. Все наполнили стаканы и выпили за здоровье сеньора Педро, который поблагодарил собравшихся и, вновь обретя свое обычное хладнокровие, продолжил:

– Там, господа, я занимаюсь тем же, чем занимаюсь здесь, и мне подчас непросто обманывать наших отважных и доверчивых врагов. С ними я весел и так же, как они, болтлив. Я пою их песни, а их же истории рассказываю лучше, чем они сами их рассказывают. Их солдаты и командиры обожают слушать, как я на радость им пою под гитару... Что касается песен, то одна из них стала причиной сильной взаимной неприязни, возникшей между Мадридом и штабом французских войск... И опять же это имеет отношение к капитану Фантому... Я слышу, что кто-то под ясенем наигрывает на мандолине. Если мне дадут ее, то я спою вам куплеты, которые последний раз исполнял в штабе короля Жозефа.

Вокруг английских военных лагерей всегда снуют голодные бродяги, нищие и цыгане, привлеченные запахом ростбифа. Костью, обглоданной британцем, испанец способен пару раз неплохо пообедать. В тот момент по другую сторону родника плясала какая-то цыганка, которая подыгрывала себе на баскском барабане, а на гитаре ей аккомпанировал жуткого вида бандит. Десять солдат одновременно вскочили на ноги, и мгновение спустя в руках у сеньора Педро уже была гитара того самого бандита.

Многие собравшиеся закурили сигары, люди подсели поближе и обратились в слух. Отдельно от всех уселись французские солдаты. Они закурили трубки и тоже приготовились слушать, но их лица были напряжены и холодны.

Последовал энергичный веселый проигрыш, после чего раздался чуть хриплый голос гонца, исполняющего испанскую балладу.

ПРИЗРАК КАПИТАНА

I

Жил на свете капитан,
Был могуч, как великан.

Он драгун своих любил
И всегда им говорил:
Братцы, каждая девица
Прощебечет вам, как птица,
Что в ночи и утром рано
Бродит призрак капитана.

– Да пусть меня черти возьмут! – воскликнул Милый Августин, восхищенный бесшабашностью напева. – Я такого сроду не слышал, но мне это нравится!

– Призрак капита-а-ана! – сильно фальшивя, пропел Новый Мост.

– Всем молчать! – сухо приказал Эктор.

В это же время шотландские офицеры и солдаты громко аплодировали и кричали «Браво!». Сеньор Педро ударил по струнам и продолжил:

II

Раз напился капитан
Не чуть-чуть, а прямо вхлам
И поклялся выпить рома
За столом у Веллингтона²⁸.
На коня вскочил – и в бой!
«Вперед! Сабли из ножен – долой!»
Кучу храбрых англичан
Распугал наш капитан.

– Ай-ай-ай! – закричали сидевшие за столом офицеры.

Шотландские солдаты, не стеснясь, стали ругаться во все горло, зато французские пехотинцы, которым все больше нравилась эта песня, поддержали Милого Августина, от всей души кричавшего «Браво!».

– Господа, но ведь это всего лишь поэзия! – попытался утихомирить своих солдат Красный Дик. – Невозможно же представить себе, что французы станут прославлять в своих песнях англичан.

– Славный был вояка! – пробормотал сержант Морен. – А с чего это вдруг наш лейтенант так выпучил глаза?

Тем временем сеньор Педро, наигрывая ритурнель, приятно улыбался хозяевам стола, словно извиняясь за ту непочтительность, с которой его баллада отзывалась об англичанах. Проиграв рефрен, он продолжил:

III

Попирав у англичан,
Майора встретил капитан.
А так как он нетрезвый был,
Башку майору враз срубил.

²⁸ Песня явно написана уже после битвы при Талавере, принесшей Артуру Уэлсли новый титул. Просим прощения за этот легкий анахронизм. – *Примечание автора.*

Не повезло, друзья, майору,
И капитану плакать впору:
Он, протрезвев, так удивился,
Что мигом в призрак превратился.

IV

За то, что храбрецом он был,
Ему сам дьявол разрешил
Попойку снова посетить
И недопитый ром допить.
Теперь драгун ведет на бой
Отважный призрак удалой.
И славно рубит англичан
Фантомом ставший капитан.

На этот раз Новый Мост, Тулузец и Милый Августин, презрев повелительные жесты лейтенанта, не удержались и хором повторили три последние куплета баллады.

– Обязательно попрошу шпиона, чтобы он продиктовал мне слова! – восторженно заявил Никчемный.

– Чего только эти французы не наговорят про англичан в своих песнях! – воскликнул Красный Дик. – В этой, по крайней мере, англичан признают за добрых людей. Попрошу трижды крикнуть браво сеньору Педро!

Крикнули не три раза, а шесть, потому что brave шотландцы не помнят обид. И тут же по кругу пустили кувшин бренди.

– Полагаю, – произнес Красный Дик, – что с этой балладой связана какая-нибудь непростая история.

– Можешь в этом не сомневаться, – буркнул сержант Морен. – Думаю, такая история, что закачаешься.

– Вы правы, – ответил сеньор Педро. – Есть такая история.

– Интересная?

– Интересней не бывает.

– Я бы на вашем месте обязательно ее рассказал, – вставил Милый Августин, раззадоренный выступлением испанца.

– Историю! Расскажите историю! – закричали присутствующие. – Сеньор Педро, будьте так любезны, расскажите историю!

Могло показаться, что гонец колеблется. Он впервые за весь вечер пристально взглянул на пленного лейтенанта и с серьезной учтивостью поклонился ему.

– Мне сказали, – медленно и вкрадчиво проговорил он, – что здесь присутствует французский офицер по фамилии Шабанель. История, о которой вы просите, правдива от начала до конца. Ее героем является граф де Шабанель...

– Это мой брат, сударь, – перебил его Эктор, старавшийся скрыть свои чувства под маской холодного безразличия.

Сеньор Педро вновь поклонился лейтенанту. Немедленно взгляды присутствующих, подогретые все возрастающим любопытством, устремились на молодого человека. Испанец сказал:

– Господин де Шабанель, независимо от того, какое у вас сложилось мнение обо мне, я не могу не принять во внимание два постигших вас несчастья: ваши семейные неприятности и военную неудачу. Поэтому я не стану ничего рассказывать, не заручившись вашим согласием.

В этих словах было столько сердечного сострадания, что никто не осмелился протестовать. Лица сидевших за столом по-прежнему выражали крайний интерес к обещанной истории, смешанный с опасением, что услышать ее так и не удастся, и тем не менее все в глубокой тишине ждали ответ пленного офицера. Тот задумался на целую минуту, не решаясь что-либо сказать.

– Скажите нет и делу конец, – заметил Нед, тронув лейтенанта за руку.

Эктор расправил плечи, и на его бледных щеках заиграл слабый румянец. Он взглянул курьеру прямо в глаза и сказал:

– Сеньор Педро де Томар, кажется, так вас называют, я не понимаю, отчего вам важно знать мое мнение, тем не менее, я благодарен вам за проявленную любезность. Возможно, вы лучше меня знаете историю моего старшего брата, поскольку, когда разыгралась эта трагедия, я еще находился во Франции... Но, как бы то ни было, я хотел бы ее услышать невзирая на то, что рассказана она будет нашим врагом.

Гонец поклонился в третий раз, а поскольку все радостно зашумели, он взмахнул рукой, требуя тишины.

IV Сезар де Шабанель

Все приготовились слушать, но внезапно наступившую тишину прорезал чей-то незнакомый голос.

– Это у меня взяли гитару, – произнес приблизившийся к сотрапезникам человек, – и я прошу мне ее вернуть.

– Молчи, мерзавец!.. – крикнул было капитан Темпл.

Однако гонец не дал ему договорить. Он проворно поднялся, держа в одной руке гитару, а в другой открытый кошелек.

– Подойди, друг мой, – сказал он, шагнув за пределы круга слушателей.

Страшного вида бродяга, который недавно аккомпанировал пляшущей цыганке, шагнул ему навстречу и коснулся сползшей на глаза шляпы. Он принял от гонца гитару и взял протянутую ему серебряную монету, выданную в качестве своего рода арендной платы. Но вместо слов благодарности бродяга быстро и еле слышно произнес:

– В монастыре Святого Франциска де Сор!

– Все на месте? – так же тихо спросил гонец.

– Все.

– Пусть ждут меня.

Человек в шляпе поклонился до земли и вернулся к цыганке, ждавшей его под ясенем.

– Джентльмены, – произнес Педро, усевшись на свое место и приняв прежний безмятежный вид, – каждый смотрит на окружающий мир так, как он к тому привык. Вот и вы воспринимаете призраков так, как привыкли видеть их сквозь туман в ваших горах. Но привидение привидению рознь. Например, во Франции духи умерших веселятся не хуже тех, кто пока еще жив. Ваши привидения наводят ужас, а французские духи вызывают смех. Поскольку эта история придумана для французов с учетом их вкусов, вам придется смириться с тем, что привидения, о которых пойдет речь, не носят саванов, не щелкают вставными челюстями, и в их глазницах не пылают раскаленные угли.

– Пусть меня черт заберет, гонец, если наши привидения нехороши! – воскликнул Темпл.

– Тихо! – послышались недовольные голоса. – Поглядим, как устроены французские привидения.

– Не стоит препираться, джентльмены. Я не знаю, хороши ли тела французского привидения, знаю лишь, что они полностью заполняют его красно-зеленое обмундирование. На коне оно держится не хуже Святого Георгия, а его сабля вполне материальна и она колет, рубит и режет. Под его сверкающим шлемом с развевающимся пучком конского волоса каждый увидит человеческое лицо, причем лицо молодое, красивое, живое. В минуту опасности этот всадник всегда становится во главе своих драгун, которыми он командовал при жизни...

– Дьявол меня заberi! – не удержавшись, воскликнул Красный Дик. – Неужели вы верите во все это, гонец?

– Я верю, – холодно ответил сеньор Педро.

– Странно!.. Получается, что вы видели это своими глазами.

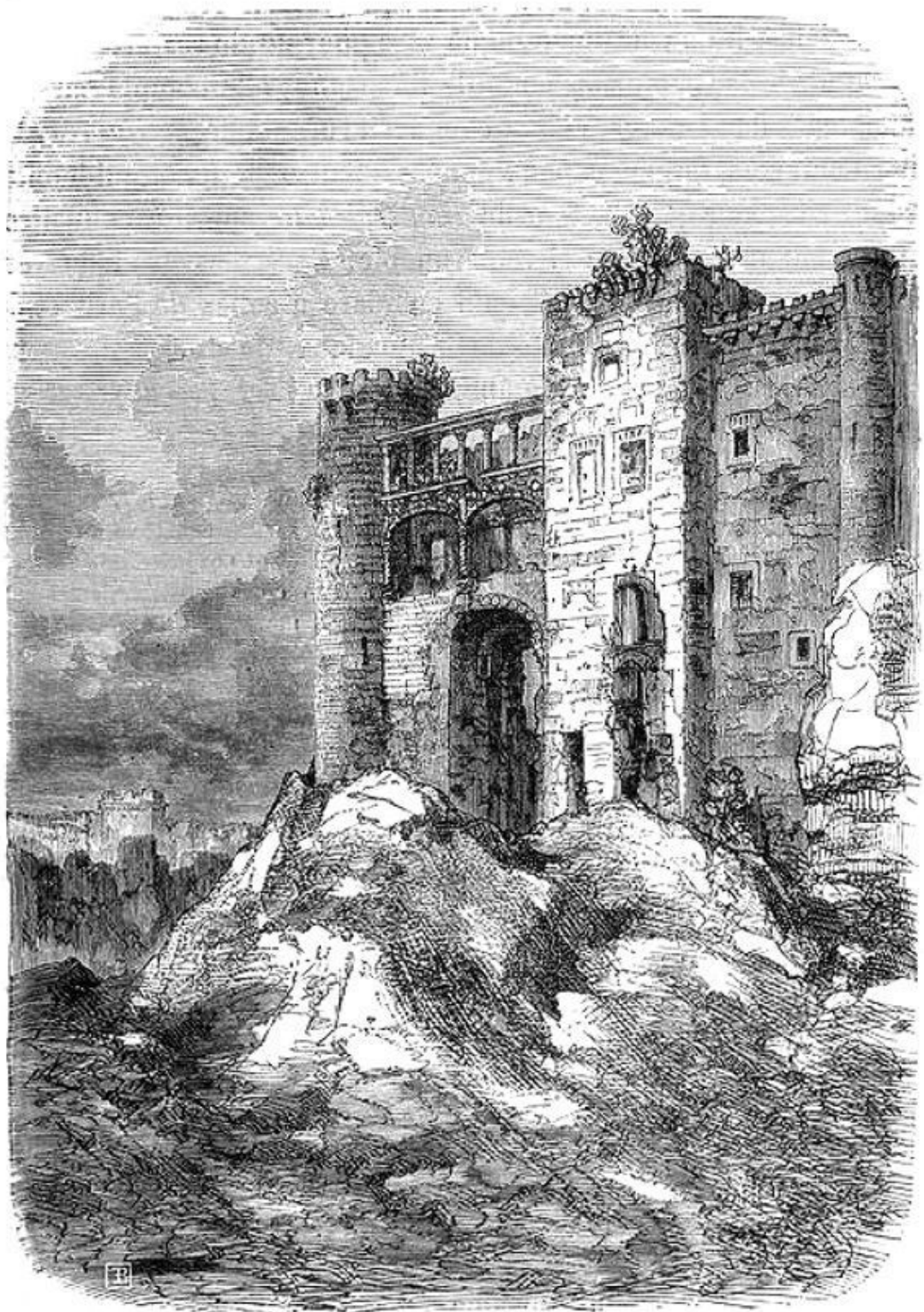
– Возможно, видел, сударь. Но позвольте мне продолжить мою историю. Во времена, когда произошла французская революция, а было это то ли в 1791 году, то ли в 1792, то есть семнадцать или восемнадцать лет тому назад, состоял при испанском королевском дворе старинный кастильский род, имя которому было Гвадалупе де Кабаниль. Глава рода Блас де Кабаниль, он же маркиз де Кабаниль, командовал крепостью Сан-Роке, неподалеку от которой был расположен принадлежавший ему замок Гвадалупе, ныне разрушенный английскими пушками, стоящими в Гибралтаре.

Маркиз де Кабаниль был уже в годах, однако он был женат на очень молодой женщине и имел от нее детей. В те же самые времена семейство де Шабанель, к которому принадлежит наш капитан Фантом, перебралось из Франции в Испанию. Французский и испанский языки заметно различаются между собой, но все же я хочу обратить ваше внимание на абсолютное сходство этих имен: Шабанель и Кабаниль. В сущности, это одно и то же имя. Дело в том, что Эрнан де Кабаниль, младший сын великого маркиза де Кабаниля, того самого губернатора Валенсии, который в свое время принял у себя плененного Франциска I, обосновался в XVI веке во Франции и стал основателем рода Шабанелей. Связи между испанским родом и французским были не очень тесными, но периодически их представители встречались между собой и устраивали по этому поводу пышные торжества.

Каждый год в день Святого Блеза, а это главный праздник рода Кабанилей, поскольку имя Блас носил не только великий маркиз, но и его предок, сражавшийся под началом Гонсалве де Кордова²⁹, французские Шабанели поздравляли своих кастильских родственников, направляя им поздравительные письма или отряжая посольства. Род Шабанелей пользовался влиянием в Париже и был достаточно богат, но он не шел ни в какое сравнение со всемогущими и сказочно богатыми испанскими родственниками.

В Испании во времена правления Карла IV имя Кабанилей стало нарицательным и обозначало человека, обладавшего огромным богатством. Владения Кабанилей можно было сравнить только с владениями маркиза Карабаса из детской сказки. Как утверждала молва, для перевозки сокровищ Кабанилей, которые хранились в специальном склепе, устроенном в глубине горы и охранялись железной статуей, потребовалось бы загрузить несколько галеонов.

²⁹ Испанский военачальник времен Тридцатилетней войны, прямой потомок Гонсало де Кордова, известного военачальника и реформатора, носившего прозвище Великий Капитан.

Замок Гвадалупе

Как вам известно, джентльмены, после французской революции дворянам под угрозой смерти пришлось спешно бежать из страны. И вот в один из вечеров французские Шабанели явились в Мадрид, уверенные в том, что будут приняты родственниками со всем возможным гостеприимством. Отъезд из Франции означал для них утрату всего семейного имущества, но они надеялись, что на родине все еще может перемениться. Да и разве имело значение постигшее их обнищание на фоне несметного богатства испанских родственников? Француз-

ское семейство состояло из пяти человек: графини, вдовы Сезара-Огюста-Гвадалупе де Шабанеля, дослужившегося в королевской армии до чина бригадного генерала, ее дочери Жанны, старшего сына Сезара, маленького Эктора, которому в ту пору было года три или четыре, и аббата Блеза де Шабанеля, каноника церкви Сен-Мартен-де-Тур, младшего брата покойного графа.

В Мадриде они остановились перед огромным квадратным домом, самым старым в испанской столице. Фасад дома представлял собой обычную высокую стену. В ее центре были устроены монументальные ворота, увенчанные огромным каменным гербом, который держали на плечах два ангела.

Иностранным геральдистам, как правило, непонятны испанские гербы, но мы в Испании умеем разгадывать смысл гербовых фигур, которые по большей части связаны с какими-нибудь героическими событиями или рыцарскими подвигами. Нет сомнений, что многим из присутствующих доводилось видеть скульптурный герб Кабанилей на фронтонах многочисленных мадридских дворцов. На этом гербе изображены две руки, которые держат за волосы две отрубленные головы, а девиз звучит так: *Hijas son mías* (Дочери принадлежат мне). Я считаю необходимым разъяснить вам историю этого герба, чтобы вы лучше понимали, сколь неуступчива кровь, текущая в жилах людей, которые принадлежат к этому роду.

Речь пойдет о временах, когда французский король Франциск I находился в Валенсии после поражения в войне против Карла V³⁰. По приказу императора Карла V губернатор Блас де Кабаниль должен был оказать Франциску самый радушный прием и передать ему в пользование три четверти собственного дома. Для чествования Франциска неподалеку от устья Гвадалквивира встал на якорь испанский флот. Чтобы поприветствовать короля, собралось все местное дворянство, а в самой Валенсии непрерывной чередой проходили праздники и балы, на которых король был признан настоящим героем и лучшим в мире танцором.

У Бласа де Кабаниля были две дочери, обе молодые и невероятно красивые. Вообще, дочери этого рода всегда отличались исключительной красотой. Однажды ночью, когда во дворце давали бал, в кабинет маркиза, где он любил уединяться вдали от мирской суеты, проник старый мажордом. Слуга встал на колени, поцеловал землю и сказал:

– О, богатейший из смертных, сохранишь ли ты мне жизнь, если я сообщу тебе, как опозорен твой дом?

Блас отложил в сторону книгу и устремил на мажордома страшный немигающий взгляд.

– Если скажешь правду, то будешь жить, – ответил он, – а если ты солгал, то умрешь. Докажи свою преданность, говори и ничего не бойся.

Мажордом встал и скрестил руки на груди.

– Король Франции – сказал он тихим голосом и со слезами на глазах, – отнял у тебя твою честь и славу. Две дочери славного Кабаниля каждую ночь являются в покои короля и обсуждают с ним план его побега. На Гвадалквивире уже стоят в полной готовности двенадцать баркасов. Золото и бриллианты из сокровищницы Кабанилей ввели в соблазн солдат и матросов. Твои дочери предали тебя, императора и собственную честь.

– Если ты сказал правду, – произнес бледный и холодный, как мрамор, маркиз, – то тогда ты умрешь богатым человеком. Но если ты солгал, то сразу начинай молиться.

Он взял в руку лампу, светившую ему в его уединении, и отправился в помещение, где хранились сокровища. Шествуя по галерее, в которой висели портреты его предков, он слышал веселую музыку, которую исполняли на виолах, ребеках и гитарах. Оказалось, что из сокровищницы исчезли пять бриллиантов и десять мешочков с двойными пистолетами. Блас с непо-

³⁰ Имеется в виду разгром французской армии под Павией в 1525 году, в результате которого король Франции Франциск попал в плен. Находясь в плену, Франциск подписал договор с Карлом V, который он по возвращении из плена нарушил и продолжил войны против своего соперника, ставшего императором Священной Римской империи.

крытой головой поспешно спустился к берегу реки. Там действительно стояли двенадцать баркасов, и на всем берегу не было ни одного часового. Один из матросов сказал ему:

– Сударь, прилив не будет ждать. Его величество король слишком увлекся танцами.

Великий маркиз возвратился в свой дворец и отправился в зал, в котором в честь короля давали бал. Там он, ни слова не говоря, подошел к своим дочерям, танцевавшим подле короля, и схватил их за волосы. Затем он опрокинул их на пол и молча потащил по мозаичному мраморному полу, не обращая внимания на пораженных этим зрелищем гостей. Девушки знали, что им не будет пощады, и, обрета голоса, стали кричать:

– Кавалеры, защитите нас! Нам грозит смерть!

В тот же момент у дверей появилась ошестинившаяся шпагами группа дворян, и среди них со шпагой наголо был даже сам король. И тут великий маркиз, приподняв своих дочерей за волосы и приставив их голые груди к остриям шпаг, воскликнул:

– *Hijas son mias!* Это мои дочери! Дайте дорогу!

После этих слов все расступились.

Ту ночь король Франции провел в темнице. Что же касается дочерей Бласа де Кабаниля, то отец приказал похоронить их заживо. Именно их головы и руки великого маркиза красуются на гербе рода Кабанилей.

Итак, джентльмены, я продолжаю. В зале на первом этаже, куда привели госпожу графиню де Шабанель, ее детей и ее деверя, на стене висел портрет великого маркиза, а под портретом стоял сурового вида мужчина. У него было такое же лицо, как на портрете: строгое и твердое как сталь. У внука и его деда было одно и то же имя и одинаковый титул. Оба они были маркизами, оба Кабанилями, и обоих звали Блас. Сердца у них тоже были одинаковыми. Внук находился в том же возрасте, в каком на портрете был изображен его дед.

– Приветствую вас, графиня, моя дорогая кузина, – сказал он. – И вас, мой преподобный кузен, я тоже приветствую. Храни, Господи, невинных деток. Ветер, дующий со стороны Франции, пропитан ядом. В этой стране осыпают проклятиями Господа Бога и короля. Вы и сами жертвы этой эпидемии, но разве пускают в порт судно, на борту которого есть зараженные чумой? Я богат и у меня достаточно золота для моих любимых родственников, но в Испании нет места для тех, кто заражен страшной инфекцией. Вы сами устроили эту революцию. Я говорю именно о тех, кто теперь страдает от нее: о дворянах, женщинах, священниках и короле! Вы несете с собой ее проклятое семя. Так не приближайтесь к тем, кто сохранил свои души в здравии. Заявляю вам, что вы ни в чем не будете нуждаться, если уедете немедленно и по своей доброй воле. Если же вы считаете себя вправе требовать гостеприимства, тогда войдите в мой дом, но в нем вы станете пленниками. Выбор за вами. Океан к вашим услугам, но в порту действует карантин.

Госпожа графиня де Шабанель не согласилась ни на один из предложенных вариантов. Семья эмигрантов с пустыми руками и ранеными сердцами покинула этот дом, куда их не пустили дальше первого этажа. Графиня, сохранившая лишь свои драгоценности, большая часть которых была уже продана, нашла пристанище в бедном квартале. И в этом убогом жилище ее посетил ангел.

Жене богатого маркиза, донье Менсии, было в ту пору двадцать четыре года. Она была красавицей, и красавицами стали две ее дочери, которых мы знаем как красу и гордость Испании. Вы, конечно, уже догадались, что донья Менсия со всей присущей ей добротой и деликатностью сделала все возможное, чтобы скрасить тяжелую жизнь графини и залечить раны ее оскорбленного сердца. Удалось ей это благодаря тому, что она привела к графине трех своих деток, которые были гораздо моложе детей ее кузины. Дети покрыли поцелуями своих несчастных отвергнутых родственников и тем самым умиротворили их страдающие души.

Вскоре шестнадцатилетняя Жанна де Шабанель уже ласкала на своих коленях двух ангелочков, Бланш и Хоакину де Кабаниль, Сезар играл с маленьким Анхелем так же, как со своим

любимым братом Эктором, а аббат Блез, задумчивый и ласковый молодой человек, устав от постоянных детских игр, собирал вокруг себя малышей и рассказывал им назидательные истории.

Происходило это вопреки воле маркиза де Кабаниля. Даже дети, запуганные своим отцом, держали все в тайне. Маркизу было известно лишь то, что его жена передала изгнанникам кое-какие средства, и его это радовало, поскольку он был по-своему добросердечен. Хоть маркиз и ненавидел чуму, как он величал французское вольнодумство, но он был готов, не скупясь, раздавать свое золото смертельно больным.

Жизнь графини и ее семьи постепенно наладилась. Добрая и предприимчивая маркиза делала все возможное, чтобы изгнанники ни в чем не нуждались. Графиня и маркиза стали подругами, если не сказать сестрами, а их дети, перемешавшись в одной ватаге, росли, словно братья и сестры.

Чтобы не демонстрировать маркизу открытое непослушание, оба брата Шабанель, став постарше, покинули Мадрид. Старший, Сезар, поступил в военное училище в Итоне, в котором в свое время учился сэр Артур Уэлсли, а юный Эктор поступил в шотландский коллеж в Вальядолиде.

Расстались братья, когда Сезару было двенадцать лет, а Эктору исполнилось шесть. Они горячо любили друг друга, но я не думаю, что им хоть раз довелось свидеться с момента расставания и до того, как карьера старшего брата прервалась в результате катастрофы...

В этом месте рассказчик, словно помимо своей воли, бросил взгляд на молодого лейтенанта, слушавшего его с серьезным и спокойным видом. Эктор, отвечая на вопрос, безмолвно исходивший от сеньора Педро и собравшихся воинов, тихо произнес:

– Ни разу.

Невозможно передать словами, до какой степени присутствие лейтенанта добавляло притягательности рассказу гонца. В самом начале Педро пообещал, что речь пойдет о веселом приключении, однако свое обещание он пока что не сдержал. Но зато в его рассказе не было ни слова выдумки. Присутствие Эктора гарантировало абсолютную правдивость повествования и не давало развернуться фантазии рассказчика.

Среди слушателей, напряженно внимавших рассказчику, выделялись выразительные физиономии французских солдат, гордых тем, что им довелось в лагере неприятеля послушать чисто французскую историю. Они, конечно, были наслышаны о приключениях капитана Фантома, но даже для них приобщение к истокам этой легенды было так же ново и интересно, как и для шотландских гренадеров.

Важно и то, что рассказчик владел особой манерой повествования, которая держит слушателей в постоянном напряжении. Знал он, конечно, гораздо больше, чем собирался рассказать, возможно, даже больше, чем знал наш лейтенант. Об этом сразу догадался многоопытный сержант Морен. Так уж устроены эти шпионы, которых сам дьявол наградил особым нюхом и поэтому заставляет их выведывать и вынюхивать то, что простым людям знать не положено.

– Сезар де Шабанель, – продолжил гонец, – провел в Итоне четыре года. В шестнадцать лет он пересек Ла-Манш и возвратился во Францию. К тому времени битва при Маренго уже стала достоянием истории, и даже завершилась итальянская кампания. Сезар умудрился без протекции и рекомендаций пробиться к генерал-полковнику Сульту, которому он прямо заявил:

– Я граф де Шабанель.

– К черту всех графов! – рявкнул Сульт, имевший к дворянам такое же отношение, как и праотец Адам.

– Я в совершенстве знаю английский, – не сдавался Сезар, – а также немецкий и испанский.

Сульт, который в тот момент разглядывал карту, поднял на него свой взгляд.

– Это уже лучше, – произнес он. – А от меня-то что вам надо, гражданин граф?
– Я хочу, чтобы меня зачислили в войска конных гренадеров.
– Сколько вам лет?
– С ружьем на плече я сразу стану взрослым.
– Дьявол! Как я погляжу, французский вы тоже знаете, господин граф! Откуда вы были?

– Из эмиграции.

Сульт нахмурил брови. Уже наступили времена Консульства, и отношение к Республике стало сдержанным, если не сказать прохладным. Сульт был отважнейшим солдатом, но одновременно самым преданным слугой своего господина. Он любил Республику, но ждал, когда ее сменит Империя.

– О-хо-хо! – отозвался он. – Это не самая лучшая школа.

– Генерал, – решительно ответил Сезар, – бывает, что из самой плохой школы выходят прекрасные воспитанники. У меня пока не сформировались политические взгляды. Они появляются лишь с возрастом. Но в настоящее время я прошу сразу всех богов – и прежнего, и нынешнее верховное существо, и вообще всякого, кого будет угодно поселить на небе – чтобы они нашли для меня местечко среди тех, кто сражается за Францию.

Я готов поклясться, что Сульт потрепал его по щеке и назвал отличным юным солдатом. Ночь он провел в палатке Сульты, а уже на следующий день служил у Сульты секретарем и писал под диктовку генерала, который полюбил его, как родной отец. Я даже не уверен, что госпожа графиня де Шабанель и добрый аббат Блез любили его так же сильно, как Сульт.

– Мой дядя Блез умер, сударь, – перебил рассказчика Эктор, – а сам я поступил на службу во французскую армию с согласия моей матери, госпожи графини де Шабанель.

– Да благословит Господь вашу матушку графиню, лейтенант. Мне известно, что она была благородной женщиной... Два года спустя Сезар вместе с Сультым находился в Булонском лагере, а еще через два года, когда Сульт стал маршалом империи, Сезар в тот же день был произведен в младшие лейтенанты. Полагаю, что его карьера развивалась неспешно. Я думаю, всем офицерам известно, что в центре пламя свечи темное и холодное, а от его края лучше держаться подальше. Что-то похожее случилось с Сезаром. Маршал любил его, ему было удобно держать Сезара под рукой. Иными словами, Сульт старался сохранить его для себя.

Сезар так и не был зачислен в войска конных гренадеров. Офицерское звание он получил, будучи приписанным к драгунскому конвою императрицы, и это звание не принесло ему радости. Тем временем началось вторжение в Рейнскую область. Сезар отличился в нескольких сражениях и получил первое ранение при Аугсбурге. К началу битвы при Аустерлице он уже полностью излечился, в Иене стал лейтенантом прямо на поле боя, а во время битвы при Эйлау он стал капитаном.

Как вы понимаете, господа, это были его первые шаги на пути к маршальскому жезлу. Вам известно, что в посвященной ему песенке говорится о том, что Сезар пользовался успехом у дам и блистал на пирушках, но я не стану об этом говорить, потому что в действительности все это мало его волновало. Истинной страстью молодого офицера была война, а его сердце томилось воспоминаниями.

Джентльмены, я не могу запретить вам улыбаться, но не желаю скрывать от вас правду: Сезар де Шабанель полюбил свою кузину Бланш, которой при их расставании было всего четыре года. Не знаю, как все происходило на самом деле, но с годами он все явственнее представлял себе, как маленькая девочка вырастет и превращается в прекрасную женщину.

Белокурый ангел с очаровательными глазками навеки поселился в его сердце. Сезар словно наяву видел, как она меняется с каждым днем и рисовал в своем воображении этот прекрасный цветок, распускающийся из знакомого ему нежного бутона. Когда-то он называл

Бланш своей маленькой женушкой, а теперь она стала владычицей его помыслов, и только с ней были связаны все его мечты.

Подобные сентиментальные настроения больше характерны для немца, сидящего со своей кружкой пива, покуривающего трубку и мысленно воспаряющего в эмпиреи. Но это совершенно немыслимо, когда речь идет о французе, о драгунском капитане. Можно ли себе представить, что французский вояка пестует в себе бесплотные любовные чувства, а его воображение блуждает по тропинкам сказочной страны? Улыбайтесь сколько хотите, господа, но капитан Сезар нежно любил свою кузину Бланш, которую он не видел с тех пор, как у нее начали выпадать молочные зубы.

Поэтому сразу после заключения Тильзитского мира, он озаботился тем, чтобы выправить себе отпуск, мечтая броситься к ногам матери, за образом которой ему виделся ангельский лик прекрасной пятнадцатилетней девушки. Прошу вас не забывать, что наши испанки в пятнадцать лет становятся вполне сформировавшимися женщинами.

Маршал предоставил ему отпуск, расцеловал в обе щеки и сказал:

– Граф, прошу тебя не задерживаться. После следующей победы ты станешь командиром эскадрона.

К тому времени наш отважный маршал окончательно смирился с дворянскими титулами, поскольку император Наполеон сделал его герцогом Далматинским.

Итак, наш капитан отправился в Испанию. С ним был его могучий мекленбургский конь, и его нисколько не волновали трудности, с которыми можно было встретиться в пути. Замечу, что несмотря на молодость наш офицер был полон амбиций и, в частности, намеревался стать лучшим наездником во всей французской кавалерии, а, следовательно, лучшим наездником во всем мире...

После этих слов слушатели разразились негодующими возгласами. Все, разумеется, легко бы смирились с откровенными выдумками, поскольку героями этой истории были французы. Никто бы и слова не сказал, если бы речь зашла о полете на Луну или об открытии тоннеля, ведущего к антиподам. Но заявить при подданных Соединенного Королевства, что первый наездник Франции автоматически является лучшим наездником в мире, означало перейти все мыслимые границы и не могло не вызвать бурные протесты.

Столь естественные для британцев протесты сопровождались удивленными жестами и взрывами хохота.

– Джентльмены, – невозмутимо сказал гонец, – это длинная история, а сейчас уже много времени. Поэтому прошу вас смириться с тем, что я сказал...

– Ни в коем случае, черт побери! – воскликнул заупрямившийся Красный Дик. – Никогда я с этим не соглашусь! Возьмите, к примеру, наше небольшое подразделение. Я уверен, что и Черный Комин, и вы, гонец, утрите нос любому французскому кавалеристу!

– А вы когда-нибудь слышали об удивительном подвиге некоего Урбана Морено по кличке Палач? – спросил прапорщик Фарлейн. – Он на своем коне перескочил через три рва, выкопанных по приказу генерала Мура, и при каждом прыжке, когда его конь находился между небом и землей, он попадал из пистолета в арбуз, воткнутый в палку и находившийся в пятидесяти шагах от него... Признайтесь, сеньор Педро, что это невероятный результат.

– Сам я неважный наездник, джентльмены, – сказал гонец.

– Неважный! – воскликнул Красный Дик. – И это утверждает человек, который за одну ночь доставил известие о том, что дивизия Грентхема покинула Лиссабон и высадилась в Мериде! Если я не ошибаюсь, в ту ночь вы проделали шестьдесят лье!

– Не забывайте, что это была долгая осенняя ночь. Говорю же, что я неважный наездник. Зато Черный Комин большой мастер верховой езды, а Урбан Морено – настоящий виртуоз. Но, черт побери, я хозяин своего слова и повторяю, что капитан Сезар был самым лучшим наездником! Из описаний его подвигів, которые он совершил в качестве курьера, может получиться

целая книга, и я обещаю, что вы кое-что узнаете об этих подвигах еще до того, как закончится моя правдивая история.

Как бы то ни было, он пересек Пиренеи, но в Монте Муэдо нарвался на неприятности, которые я назвал бы его первым приключением.

После долгой дороги он добрался до Медина-Коэли, где собирался отдохнуть до самого утра. Сезар нашел гостиницу и уже подвел коня к порогу жалкой конюшни, как вдруг появился хозяин гостиницы, который грубо заявил, что для путника у него не найдется ни кровати, ни места за столом. Он сослался на то, что в те дни наваррских рекрутов переправляли в Сигуэнсу, и по этой причине офицеры заняли в гостинице все места. Сезар смирился с неудачей и уже собирался сесть на коня, чтобы доехать до местечка Бахаррабал, расположенного по другую сторону Сьерры, как вдруг из окна второго этажа послышался чей-то голос.

– Ола, сеньор капитан! – сказал неизвестный. – Я уезжаю в десять вечера. Поднимайтесь ко мне. Если вы окажете мне честь разделить со мной ужин, то вам достанутся моя комната и моя кровать.

Сезар поднял голову и увидел молодого офицера, который улыбался и махал ему рукой. Ему понравилось лицо офицера, и он ответил:

– От всего сердца благодарю вас, лейтенант.

Позабывшись о своем коне, как подобает каждому достойному кавалеристу, он поднялся наверх.

Испанский лейтенант был один. На столе уже дымилась целая баранья лопатка с огромным омлетом. Рядом стоял кувшин с каталонским вином. Повинуясь гостеприимному жесту, капитан сел за стол и набросился на еду, как и положено человеку, который после завтрака успел проехать двадцать лье. Испанский офицер оказался совсем молодым человеком и прекрасным товарищем. Он не пожелал слушать слова благодарности, которые Сезар пытался произнести с набитым ртом, и спросил:

– Вы француз, сеньор капитан, а между тем утверждают, что французы ничего не боятся. Правда ли это?

– Это правда, сеньор лейтенант, – не раздумывая ответил Шабанель.

Испанец налил ему полный стакан вина и с улыбкой продолжил:

– Завидую я вам, сеньор капитан... Пью за ваше здоровье!.. Вот я, когда в последний раз перебирался через Сьерру, остался без лошади и без кошелька. В моей семье я младший сын – дон Диего Вальверде к вашим услугам – и должен признаться, что эта утрата пробила в моих финансах очень серьезную брешь.

– Значит ли это, сеньор лейтенант, что в Сьерре орудуют бандиты?

– Там только один бандит, сеньор капитан, но он один стоит тридцати.

– И как же зовут этого кошмарного разбойника?

– Урбан Морено по прозвищу Наваррец.

– И он оказался достаточно силен, чтобы напасть на целый батальон рекрутов?

Дон Диего Вальверде глубоко вздохнул и вновь наполнил стаканы.

– Не покажусь ли я вам нескромным, сеньор француз, если попрошу вас назвать ваше имя?

– Сезар де Шабанель к вашим услугам, мой молодой хозяин.

Юный испанец вскочил, обежал вокруг стола и бросился Сезару на шею.

– Святой Антоний! – воскликнул он. – Какая приятная встреча! Я учился с вашим братом Эктором в Вальядолиде, а вместе с вашим кузеном Анхелем де Кабанилем служил в полку валлонских гвардейцев... Это мои самые близкие друзья... Как бы я хотел, чтобы кто-нибудь из них сопровождал меня этой ночью. Дело в том, что рекруты остаются здесь до следующего дня, а мне поручили отправиться в Сигуэнсу, чтобы решить вопрос с их расквартированием...

Скажите, вашему коню хватит четырех часов, чтобы отдохнуть? Не откажитесь ли вы проехаться со мной этой прекрасной лунной ночью?

Мне бы не хотелось, чтобы искренние опасения этого юноши, почти еще ребенка, кто-то назвал трусостью. Сезар улыбнулся и от чистого сердца предложил свои услуги. Казалось, что для юного сеньора Диего все складывается наилучшим образом. Он уселся на свое место и в одно мгновение восстановил утраченный аппетит.

Вскоре кувшин с каталонским вином опустел, и его заменили другим прекрасным вином. Чтобы отпраздновать знакомство с капитаном, лейтенанту захотелось испить таких вин, о которых он только слышал, но никогда не пробовал. От радости он стал разговорчивым и пустился в откровения.

Оказалось, что из-за девушки он поссорился со своим начальником, майором, и этот майор, ревнивый, как все жители Наварры, был бы очень рад, если бы в горах Сьерры с лейтенантом случилось какое-нибудь несчастье. При этом молодой человек не осмелился просить, чтобы начальство выделило ему сопровождающих, потому что каждый испанский офицер обязан быть отважным, как Сид, а насмешек гарнизонных офицеров бедняга опасался больше, чем неистовства Урбана Морено. Зато теперь вместе со своим другом капитаном – черт побери! – он сотрет в порошок все банды древней Кастилии!

Естественно, Сезару де Шабанелю захотелось, чтобы ему сообщили какие-нибудь сведения об этой местности и о пресловутом Урбане Морено, о котором, джентльмены, как я полагаю, вы уже слышаны. Между прочим, карьера этого сеньора бандита началась в горах, в ущелье, которое соединяет Сьерру Муэдо и Сьерру Солорио.

Судя по рассказу Диего Вальверде, Морено представлял собой весьма приятную разновидность испанского бандита. В частности, он был в высшей степени галантен, встретив представительниц прекрасного пола, требовал от них не только кошелек, но и поцелуй, с невероятным изяществом носил за спиной гитару, а за поясом два пистолета, был в стоворе почти со всеми хозяевами придорожных гостиниц и абсолютно со всеми погонщиками мулов и кучеров, завоевывал сердца служанок питейных заведений, был любимчиком их хозяек и официальным любовником Барбары Мунос, знаменитой галисийки, хозяйки гостиницы «Убитый бык», и входил в число самых жутких испанских головорезов.

Сезар поинтересовался, как получилось, что такой известный головорез преспокойно бесчинствует поблизости от Санта-Эрманды³¹ из Сигуэнсы, и по какой причине рекруты, которые четыре раза в год маршируют по этим дорогам, до сих пор не разделились с этим подлым разбойником. В ответ дон Диего Вальверде честно признался, что об этом ему ничего не известно, и что во всей Испании именно так обстоят дела со времен короля Пelayo³².

Что же касается галисийки Барбары Мунос, то она самолично отрезает головы спящих путешественников и даже не стесняется нападать на них, когда они бодрствуют и на чеку, в опасении бандитских набегов. Она уже три раза побывала замужем, и ее последний муж был еще жив. Что касается первых мужей, то одному из них проломили голову, а другого удушили.

Это была красивая женщина, хоть и косая на оба глаза. Зубы у нее были белые, как слоновые бивни, и каждый размером с игральную кость. На правой руке у нее не хватало одного пальца, откушенного постояльцем в состоянии агонии. Свои рыжие волосы она заплетала в шесть косичек, и каждая из них была толстой, как нормальная женская коса. Через час после восхода солнца она уже была пьяной и могла, не опасаясь мигрени, выпить за день три кувшина агуарденте.

³¹ Санта-Эрмандада (Святое братство) – вооруженная организация по охране общественного порядка, существовавшая в городах средневековой Испании. Больше всего была распространена в Кастилии.

³² Основатель королевства Астурия, первого христианского государства, возникшего после мусульманского завоевания Пиренейского полуострова. Правил в 718–737 гг. Во время его правления началась Реконкиста – отвоевание христианами земель на Пиренейском полуострове у маврских эмиратов.

В общем, этот самый Урбан Морено был настоящим счастливчиком.

– А что сейчас творится в гостинице «Убитый бык»? – спросил Сезар.

Диего уверил сеньора капитана, что каждый, кто хоть раз проехал по дороге между Ката-лаудом и Сигуэнсой, знает наверняка, что «*Toro Matado*»³³ – это настоящее прибежище дьявола. Гостиница стоит на скале в урочище Пенас, которое расположено в четверти мили от того, что называют большой дорогой. Каждая тропинка в горах так или иначе ведет к этой дьявольской ночлежке, которая стоит так, словно находится в центре огромной паутины. Немало путешественников, будучи уверенными, что проскочили это проклятое место, неожиданно оказывались перед совершенно незнакомым строением, потому что у гостиницы четыре фасада, и ни один из них не похож на три других... Все эти путешественники давно спят в сырой земле, зарытые в погребке Барбары Мунос.

– Но вам не следует беспокоиться, – добавил дон Диего Вальверде, испугавшись, что может лишиться попутчика, – в эту ночь будет светить полная луна, а сам я настолько хорошо знаю дорогу, что могу пройти через горы с завязанными глазами. Мы можем обогнуть урочище Пенас, взяв левее, все время левее... А вас, сеньор, я приглашаю утром позавтракать в корчме «Святого духа», лучше которой нет во всей Сигуэсе.

Сезар подошел к окну. Уже наступила ночь. В небе действительно светила луна, и горизонт был чист.

– Сделаем все, как вам будет угодно, сеньор Вальверде, – сказал он, укладываясь в кровать. – Разбудите меня, когда придет время отъезда, а пока я немного посплю.

Дон Диего пожелал ему спокойной ночи и умолк, как послушный сын, охраняющий покой своего отца. Сезар проспал три часа, что вполне достаточно для настоящего солдата. В какой-то момент его начали трясти, прервав сон, в котором он видел Бланш де Кабаниль. Во сне девушка улыбалась ему сквозь кружевную вуаль. Чтобы вскочить с кровати, потребовалось одно мгновение. Оказалось, что погода резко переменилась. Сильный ветер задувал в окна их комнаты, а по небу летели черные свинцовые облака.

– Святая Троица! Иисус-Мария! – причитала хозяйка гостиницы, укладывая чемодан юного лейтенанта. – Надеюсь, что в такую бурю вы не двинетесь в путь, сеньор Диего. Вы ведь местный и знаете, что происходит во время ночной бури в горах. Я знала вашего отца и вашу мать, молодой человек. Это были добрые и практичные люди. Через два часа в горах обрушатся потоки воды.

– Не волнуйтесь, добрая дама, – отвечал сильно побледневший Вальверде. – До Бухарабаля всего полтора лье. Через два часа мы уже будем по ту сторону гор.

– Храни вас Господь, молодой человек! – очень серьезно произнесла хозяйка и перекрестилась. – В такие темные ночи Урбану Морено самое раздолье. Надеюсь, вас не подстережет какая-нибудь беда!

Она вышла из комнаты. Капитан Сезар, затянув пояс, сказал:

– Друг мой, я видел очень сладкий сон. Скажите прямо, вам действительно необходимо отправляться в путь этой ночью?

– Это необходимо для спасения моей чести, – с явной печалью в голосе ответил Вальверде. – Майор всячески старается выставить меня трусом, а мне давно хотелось ввязаться в какое-нибудь рискованное предприятие вроде того, что мы собираемся предпринять этой ночью.

– Вам нужен проводник! – воскликнула появившаяся на пороге хозяйка гостиницы. – Наймите проводника, чтобы спокойно преодолеть опасные участки пути. Два добрых мула будут вам полезнее ваших лошадей. Жибоз за пару монет согласился сопровождать вас. Так вы

³³ «Убитый бык» (исп.).

сделаете доброе дело, кавалеры, и проявите разумную осторожность. Только Жибоз отыщет для вас дорогу, которая не ведет к «*Toro Matado*».

К вашему сведению, джентльмены, пока Диего рассказывал историю об «Убитом быке» и его жестокой хозяйке, Сезар де Шабанель крепко спал. Поэтому его неуверенность объяснялась лишь изменившейся погодой. Решив, что впереди их ждет романтическое приключение, он сказал хозяйке:

– Мы согласны, добрая дама. Ведите своего Жибоза и принесите бутылку французской водки.

V «УБИТЫЙ БЫК»

Сеньор Педро протянул Красному Дику свой стакан, и это стало сигналом к всеобщей выпивке.

– Джентльмены, – продолжил он, осушив стакан, – хозяйка гостиницы принесла бутылку водки и привела какого-то чудного горбатого карлика, одетого в лохмотья. Его прямые волосы были зачесаны за гигантские уши и ниспадали на лицо, которое чуть не вдвое превышало высоту его тела. В наглых глазенках карлика горели дьявольские огни.

– Вот Лазариль, наш бедный Жибоз, – сказала хозяйка. – Он предан, как собака, сеньоры, а Урбана Морено чует за версту. Если вы нальете ему чуточку водки, то он помчится впереди вас быстрее самых резвых лошадей.

Горбун с гордым видом предстал перед офицерами. Его горящие глаза с вожделием поглядывали на бутылку. Сезар и Вальверде выпили по стакану вина. Горбун, в распоряжение которого предоставили бутылку, вернул ее абсолютно пустой. Выпив, он горестно вздохнул и с усилием расправил плечи. Со стороны могло показаться, что его узкая грудь мгновенно стала в два раза шире.

– Пора в путь, если хотите пройти через урочище до начала грозы! – скомандовал он.

Во дворе уже громко фыркали две лошади, и через мгновение Сезар и Диего были готовы отправиться в путь. Пока офицеры ехали по улице, до них доносились пожелания доброго пути, расточаемые хозяйкой гостиницы, но стоило им свернуть за угол, как обстановка резко изменилась. Граница городка осталась позади, и они сразу оказались в сельской местности на ровной пыльной дороге, пересекавшей голые поля. Тучи тем временем сгущались, и из-за них ненадолго показывалась луна, быстро перемещавшаяся по небосклону.

Сильные порывы ветра поднимали вихрящиеся тучи пыли, но с неба пока не упало ни единой капли. Издалека доносился мощный гул, как будто в горах уже вовсю разбушевалась гроза. Из-за завываний ветра сгустившаяся тьма казалась особенно зловещей. Жибоз, громко распевая, шагал впереди и в ночи его хриплый голос навевал страшную тоску.

– Смелее, кавалеры! – время от времени выкрикивал горбун. – Такая ночь очень хороша для Урбана Морено! Надо добраться до урочища до того, как нас нагонит ураган.

После этих слов он своим каркающим голосом вновь затягивал унылую песню. Изредка из-за туч выглядывала луна и освещала его странный силуэт, который бодро неся по белой от пыли дороге. Когда же сгущалась тьма, силуэт горбуна сразу пропадал в ночи, и лишь слышался из мрака напев его ледяющей душу песни.

Сезар де Шабанель чувствовал себя вполне уверенно и оставался таким же спокойным, каким мы видели его за ужином. Он был привычен к подобным ночным прогулкам, где бы они ни выпадали на его долю. Чтобы поколебать его хладнокровие, требовалось обрушить на него совсем уж запредельные опасности. Зато бедный юный лейтенант после ужина утратил всю свою говорливость и веселую общительность.

Кромешная тьма так сильно сдавила ему грудь, что он лишился дара речи и лишь часто и затрудненно дышал. На беззаботные реплики своего компаньона он отвечал резко и односложно, и при этом его недоумение – то ли физическое, то ли моральное – постоянно усиливалось. Несколько раз капитан интересовался состоянием здоровья своего товарища. Тот нехотя отвечал, и на этом разговор обрывался.

– Эй, горбун! – неожиданно прокричал Сезар. – Подойди поближе. Давай поболтаем, а то мне скучно.

Жибоз тут же замедлил шаг и прервал свою песню.

– Во всем, что касается беседы и ходьбы, я полностью к услугам вашей милости, – сказал он.

– Ты, я вижу, парень смысленный. Давно ты живешь в этих краях?

– С тех пор, как появился на свет, сеньор.

– Твои родители родом из Медина-Коэли?

– Ха-ха-ха! Мои родители! – пронзительно расхохотался Жибоз. – При всем уважении к вашей милости не могу не признаться, что нашли меня в капусте.

– Значит, тебя зовут просто Лазариль?

– А вот и нет. Зовут меня, к вашему сведению, Ласарильо Хибосо³⁴. Полагаю, что это очень красивое имя.

– Расскажи мне о нашей дороге, Лазариль. Насколько она долгая в горах?

– По равнинной части дороги нам осталось шагать четверть мили, а в горах дорога тянется шесть лье. Но это смотря куда приходится двигаться, сеньор. Сама дорога совершенно прямая, но только если не двигаться в обход, и, коли удастся уклониться от встречи с тем, кто нас поджидает, то, клянусь своим спасением, мы точно избежим неприятных неожиданностей.

В его речи чувствовалась откровенная насмешка, хотя она была не лишена серьезности. Капитану речь горбуна очень понравилась.

– Так ты думаешь, Жибоз, что он нас поджидает? – послышался срывающийся голос Вальверде.

– Больно ночь хороша, чтобы он не захотел попытать счастья... Но нам еще четверть часа шагать по равнине, а я знаю один проход, который они пока еще не додумались перекрыть.

– Значит, их много? – спросил Сезар.

– Зависит оттого, как идут дела, сеньор. Если дела идут в гору, тогда Морено ни в чем себе не отказывает. А когда наступает мертвый сезон, он работает один, не считая подручных из «Убитого быка».

– А сам-то ты чем зарабатываешь на жизнь, Лазариль?

– То тем то другим, ваша милость. Я питаюсь не столько хлебом, сколько агуардьенте. Весной и осенью я нанимаюсь проводником к путешественникам, осенью подворываю с полей маркиза Бласа де Кабаниля, которого зовут Богатым Человеком...

– Значит и там есть, чем поживиться?

– Везде есть чем поживиться... А зимой я либо попрошайничаю, либо ворую.

– Воруюшь, – повторил Сезар, удивленный таким смелым признанием.

– Но сейчас-то лето, сеньор, – ловко вывернулся горбун. – Вам не следует меня опасаться, потому что я останусь без работы, если начну обворовывать путешественников.

– Пусть меня черти возьмут, если я доверюсь этому типу! – шепнул Вальверде на ухо Сезару.

– Скажи мне, Лазариль, – задал очередной вопрос капитан, – тебе доводилось встречаться с Урбаном Морено?

– Да, и довольно часто, сеньор.

– Он действительно храбрый убийца?

– Убийца – да, а храбрый нет. Он редко нападает на дороге на таких вооруженных людей, как вы. На дороге можно схлопотать пулю. Гораздо удобнее нападать в «Убитом быке».

– А ты бывал в «Убитом быке»?

– Я там целый год провел, сеньор, когда португалец Самуэль работал у галисийки слугой. А я был слугой у слуги. Давно это было, но на моем бедном теле до сих пор сохранились следы от полученных ударов. Сам я маленький, но двоих ненавижу очень большой ненавистью.

– А как же ты удрал из «Убитого быка»? Неужели они тебя пожалели?

³⁴ Lazarillo Giboso – Горбатый Поводырь (исп.).

– Они никого не жалеют... Когда Самуэль отправился на поиски лучшей жизни, я добыл себе свободу, пообещав снабжать их клиентами.

– И ты приводил им клиентов?

– Только одного, – не задумываясь, ответил горбун.

– То есть как, гнусный негодяй!.. – воскликнул капитан, резко остановив коня.

– Поезжайте, сеньор, поезжайте! – с хихиканьем оборвал его Лазариль. – Мы уже у подошвы горы и, с вашего позволения, я прошу вас соблюдать тишину... Поверьте, тут ночью темно, как в аду...

Действительно, тьма все больше сгущалась, но нетрудно было заметить, что пейзаж заметно изменился. Обработанные поля сменились холмистой местностью, то здесь, то там попадались купы пробкового дуба. Дорога стала каменистой и пошла вниз, петляя вдоль стоявших друг напротив друга возвышенностей.

– Я намерен рассказать вам, сеньор, – бесстрастно продолжил свою речь Жибоз, – как я не по своей воле заработал премию в пять дуру, обещанную мне Урбаном и галисийкой. В прошлом году я взялся сопровождать из Бухаррабала в Медину-Коэли старого бедного еврейского торговца, который в силу своего возраста уже находился на пороге смерти. Между прочим, пояс этого торговца был под завязку набит деньгами. Ехал он на муле, потому что знал, что все перегонявшие повозки кучера вступили в сговор с бандитами. Еврей был в гостях у своих родственников и теперь возвращался в Сигуэнсу, куда я незадолго до этого без каких-либо происшествий сопровождал группу англичан. В Бухаррабале на постоялом дворе не было свободных мест, а в гостиницу его не пустили. Поэтому, хоть и было уже поздно, он решил тронуться в путь. Мне это было безразлично, и мы с ним отправились по намеченному маршруту. Происходило это в ноябре, когда в горах по ночам опускается густой туман, а в ту ночь, как назло, еще и не светила луна. Наслушавшись стонов старика, который, сидя на муле, постоянно жаловался на неровную каменистую дорогу, я сказал ему: «Сеньор, дорога, которая проходит ниже, более длинная, но и более ровная». «Я очень тороплюсь, – ответил он. – Лучше я умру в дороге, чем потеряю деньги, которые принадлежат моим детям». В итоге мы остались на короткой дороге, но внезапно его мул споткнулся о камень. Старик упал, а когда я его поднял, он был без чувств. Я не знал, что мне делать, но тут представился случай возблагодарить Господа: нас нагнал какой-то монах из монастыря, что находится в Аркосе, который ехал на осле. Он помог мне привести еврея в чувство и угостил его и меня водкой из своей фляжки. Затем он сказал: «Я знаю неподалеку одно местечко, где старику окажут первую помощь...» В горах мне были неведомы какие-либо дома, но я точно знал, что «Убитый бык» находится не меньше, чем в одном лье от того места, где мы находились, и поэтому смело принял предложение монаха. Через какое-то время мы втроем – я, старик и монах – добрались до дома, который мне еще не доводилось видеть. Мы прошли в низкую дверь, и тут от удивления я испустил крик: оказалось, что мы попали в кухню галисийки, и сама она была тут как тут, да такая довольная, что потрепала меня по щеке и назвала своим дорогим дитя. А монах отклеил бороду, откинул капюшон, и я увидел суровое лицо Урбана Морено.

– А что стало со старым евреем? – спросил Сезар де Шабанель.

– Он был в одном шаге от смерти, но все еще продолжал дышать. Увидев, что мне вручают пять дуру, он стал искать глазами выход, надеясь сбежать. Его дрожащие руки сжимали пояс, в который, я думаю, в тот момент переселилась душа старика. Галисийка проткнула его вилами, а ее муж Мунос пырнул кинжалом, и старик рухнул посреди кухни. Кровь из его тела все никак не вытекала, и им потребовалось целых пять минут, чтобы его добить. Потом еще долго по ночам я вспоминал его вопли. Наконец он умер, но пришлось отрезать ему кисти рук, чтобы отцепить их от пояса, в котором обнаружили сто пятьдесят унций золота. Свой последний взгляд он бросил на меня, сопроводив его проклятьем. Я готов поклясться спасением своей

души, что, если бы мне хватило сил прибить галисийку с мужем и Морено, то еврей сохранил бы сокровище своих детей.

Не успел Жибоз возбужденно договорить последние слова, как в зарослях крушины, росшей по краям дороги, послышался какой-то треск. В этот момент путники находились уже в горах, и с черного, как деготь, неба начали капать крупные капли дождя.

Жибоз проскользнул между двух лошадей и прошептал:

– Я говорил слишком громко и слишком долго. Урбан Морено меня услышал.

Сезар де Шабанель невольно содрогнулся. Он понял, что в этом месте невозможно защититься от мушкетной пули, пущенной из зарослей. Едва живой от страха Вальверде молча скорчился в седле. Горбун тоже умолк.

Внезапно первая молния разорвала ночное небо, осветив обе стороны дороги, поросшие приземистыми соснами. Впереди открывался проход между двумя чащами кустарника, высокими, как стены гигантских крепостей.

– Мы правильно держим путь, – произнес Жибоз. – Перед нами Адамово ущелье, которое ведет к вершине Сен-Фердинанд. После этой вершины надо брать левее, да побыстрее, потому что дорога открыта со всех сторон, а мы находимся в Кастилии!

– Проходи первым! – скомандовал Сезар перед входом в ущелье, в котором два человека не смогли бы пройти плечом к плечу.

Теперь они двигались между двух стоявших стеной горных массивов, вершины которых, казалось, соприкасались, образуя свод над головами путников. Было так темно, что Сезар решил, что его приказ выполнен. Ему казалось, что Жибоз шагает впереди, следом за ним движется Вальверде, а он, Шабанель, замыкает шествие. Но не успели они сделать и трех шагов, как жуткий вопль заставил его подпрыгнуть в седле и обернуться. Вспыхнула вторая молния, и он за долю секунды успел увидеть могучего человека в маске, который схватил горбуна за волосы и приподнял над землей.

– Назад, Вальверде! – воскликнул Сезар в тот момент, когда видение растворилось в ночи. – Надо спасать беднягу!

Чтобы развернуться, не хватало места, и он заставил коня пятиться задом. Вернувшись к входу в ущелье, он напряг слух и различил два звука: треск в соседнем кустарнике и удалявшийся грохот копыт лошади Вальверде, который, не раздумывая, бросился наутек.

Шабанель уловил направление первого звука, и пришпорил коня, заставив его нырнуть в самую гущу кустарника.

– На помощь! На помощь! – вопил горбун шагах в двадцати впереди него.

И тут же из горла Жибоза вырвался приглушенный стон, словно его сжала железная рука.

Шпоры Шабанеля во второй раз впились в конские бока, и животное послушно продолжило пробивать проход в густом кустарнике. Капитан время от времени кричал: «Лазариль, ты где?» В ответ не раздавалось ни звука. Через сотню шагов конь и наездник вырвались из непроходимого кустарника, но в этот момент земля ушла из-под ног коня, и они оба рухнули в пустоту.

Из леса донесся взрыв хохота, но капитану было не суждено его услышать, потому что в тот момент он скользил по наклонной плоскости, в конце которой его конь вновь потерял точку опоры и рухнул в пропасть.

Только чудом, для свершения которого не было ни единого шанса, и на вероятность которого нормальный игрок сроду не поставил бы даже один пистоль против ста, капитану удалось одновременно ухватиться рукой и зацепиться полой офицерского сюртука за ветки кипариса, свисавшие над пропастью.

Замерев в полной неподвижности и понимая, что малейшее его движение может привести к смертельному исходу, он сообразил, что наверху кто-то прислушивается и с нетерпением

ждет, когда из пропасти донесется предсмертный крик. На эту мысль его натолкнули падавшие сверху камешки и струйки песка.

Вскоре справа от него послышался звук шагов. Какой-то человек спускался по тропинке, оставаясь при этом невидимым для капитана. Человек спустился на самое дно пропасти и стал бить по кресалу, чтобы зажечь фонарь. При этом он довольно громко бормотал:

– Куда же, черт побери, подевалось тело?

В тусклом свете вспышек сохранявшему неподвижность капитану удалось наконец разглядеть место, в котором он оказался. Нависавший над пропастью тонкий кипарис едва держался за скалу своими чахлыми корнями. Проявив хладнокровие, можно было перебраться на твердую землю, если только сухие ветки не сломаются под тяжестью тела. Сезар сделал отчаянную попытку, и она оказалась удачной. В этот момент голос из глубины произнес:

– Похоже, у этих французов всегда с собой веревка повешенного! ³⁵ Здесь никого нет, кроме лошади!

Как вы понимаете, джентльмены, капитан не стал терять время на выслушивание злобных проклятий. Он вновь полез в чашу кустарника, стараясь не шуметь и отыскивая наощупь дорогу.

Теперь он не сильно опасался встречи с Урбаном Морено и его сообщниками. Ступив в Адамово ущелье, он заблаговременно переместил пистолеты из кобуры за пояс и убедился в том, что его драгунская сабля по-прежнему висела на поясе. Этого было более чем достаточно, чтобы урезонить испанского бандита и любое количество его подручных.

Больше всего он опасался, что в такую темень может сбиться с дороги или вновь свалиться в какую-нибудь яму. За ветки кипариса невозможно ухватиться дважды, а под начавшимся проливным дождем земля стала скользкой, как стекло, и невозможно было понять, куда следует ставить ногу.

После долгих и безуспешных поисков смертельно уставший Сезар де Шабанель так и не смог найти проход в Адамово ущелье, но зато вышел на вполне сносную дорогу. Он взглянул на карманные часы. Был уже час ночи. Из этого следовало, что прошло примерно два часа, как он расстался со своими спутниками, и за это время, скорее всего, прошагал в горах целый лье в стороне от главной дороги.

Что стало с его компаньонами? Участь бедняги Лазария явно была незавидной. Но что могло случиться с Вальверде? Этот потомок Сида не продемонстрировал отвагу, достойную романтического испанского героя, но ведь он был совсем еще ребенок, а в ту ночь даже воздух был пропитан страшными предчувствиями.

Капитану было свойственно великодушие. Я полагаю, что любой отважный воин испытывает жалость к дрожащему от страха человеку. Хоть юный лейтенант и дал деру, Сезар беспокоился о нем и надеялся встретить живым и невредимым за завтраком в Сигуэнсе. А поскольку обнаруженная капитаном дорога была вполне прямая и твердая, он вытащил саблю из ножен и, не принимая других мер предосторожности, решительно двинулся вперед.

Так он прошагал целый час. При той скорости, которую он развил, пройденное расстояние должно было составить не менее двух лье. В этом месте максимальная ширина гор не достигает и половины лье. Привыкший ориентироваться на незнакомой местности, Сезар свернул на первую же тропу, пересекавшую его дорогу под прямым углом, и решительно зашагал по ней, не сомневаясь, что через четверть часа он обязательно выберется на равнину.

Расчет капитана оказался верен. Строго через пятнадцать минут горизонт начал светлеть, а росший по обеим сторонам густой кустарник постепенно исчез. В кромешной тьме ему уда-

³⁵ Старинное французское поверие. Считалось, что кусок такой веревки приносит удачу в делах и азартных играх. См., например, роман Феваль «Приключения шевалье де Керамура, или Кольцо из веревки повешенного».

лось разглядеть возникшую перед ним ограду, которую он сходу перескочил, обрадовавшись ее появлению, поскольку ограда служит предвестником человеческого жилья.

В самом деле, на фоне темного неба показалась крыша дома, а за ней капитану привиделись и другие дома, колокольня, в общем, целая деревня, которая наверняка была не чем иным, как долгожданным Бухаррабаем. В довершение ко всему этот первый дом оказался гостиницей, о чем свидетельствовала неразличимая в темноте вывеска, которая колыхалась на ветру и скрипела на петлях креплений. Из печной трубы валил дым, что само по себе является добрым знаком, а из-за закрытых ставен первого этажа пробивался свет.

Любой из нас, джентльмены, за годы военной службы не раз испытал приятные чувства, схожие с теми, которые испытал капитан при виде такой благодатной картины. Это было самое подходящее место для того, чтобы высушить намокшую под дождем одежду, согреть сердце чашей теплого вина и успокоить взбунтовавшийся желудок какой-нибудь яичницей. Ну и наконец здесь можно было переждать в полной безопасности, что немаловажно даже для самых отважных сердец, испытанных такой кошмарной ночью. Деревня! Колокольня! Бандиты остались далеко позади, и капитан, расслабившийся при виде тихой гавани, подумал: «Было бы славно, если бы и Вальверде чувствовал себя не хуже, чем я!»

Он постучал в дверь. В двери немедленно открылось смотровое окошко, и в ней появилась голова мужчины, который с беспокойством взглянул на капитана.

– Вы один, господин путешественник? – послышался вежливый и ласковый голос.

– Один, дорогой хозяин, – ответил капитан, – и к тому же промокший до костей.

– Жуткая ночь, Пресвятая Троица! – произнес ласковый голос. – Неужели вы прошли по горам пешком?

– Откройте, хозяин! – теряя терпение, приказал Сезар. – После поговорим!

Голова исчезла, окошко захлопнулось, послышался приятный звук отодвигаемого засова и откидываемых крюков, и вскоре на пороге показался коротышка, выглядевший вполне достойно и благодушно. В руке у него была лампа. Это ему принадлежал столь гармонично звучащий голос, который показался еще слаще после приветственных слов:

– Добро пожаловать, сеньор путешественник!

Сезар де Шабанель начал с вопроса:

– Не прибыл ли раньше меня конный молодой офицер испанской армии по имени дон Диего де Вальверде?

– Вы имеете в виду этой ночью, сеньор?

– Ну, конечно. Он ехал в направлении Бухаррабаля, намереваясь добраться до Сигуэнсы.

– Вот как! – улыбнувшись, повторил хозяин. – Он ехал в Бухаррабаль!

– А разве я не в Бухаррабале?

– Именно так! Где же еще вы можете находиться, сеньор, как не в Бухаррабале?.. Здесь живут бедные, но честные и богобоязненные люди. Да, да!.. Что же касается молодого испанского офицера, то он, скорее всего, проехал мимо, потому что мы его не видели... Подтверди, Уго, что мы не видели молодого испанского офицера.

Откуда-то из-за вытяжки очага послышалось хриплое ворчание. Этот звук издал растрепанный парень, который вытирал фаянсовое блюдо полотенцем, черным, как чернила.

К сожалению, бедные хозяева сельских гостиниц зарабатывают не так много денег, чтобы позволить себе нанимать слуг с приятными лицами. Впрочем, физиономия этого парня была слишком уж нехороша, и Сезар инстинктивно подтянул свой пояс, который он успел ослабить, чтобы сидеть с максимальным удобством.

В очаге тлели остатки углей. Стол стоял посередине комнаты, которая здесь считалась столовой. Стены в помещении были совсем голые, не считая нескольких грубых картинок, приклеенных к штукатурке. На половине обрамленных рамками рисунков были изображены святые, а на остальных красовались портреты знаменитых бандитов, и к ним прилагались опи-

сания их замечательных подвигов. Такой культ бандитов нисколько не принижает достоинства испанских гостиниц, поскольку он присущ всей Испании.

– Ну что ж, хозяин, – произнес Сезар, которого не смутили мрачный вид столовой и неприятная физиономия слуги, – что вы можете мне предложить на столь поздний ужин? У меня зверский аппетит, и я не экономлю на еде.

– Когда у человека полные карманы денег, – буркнул Уго, продолжая протирать фаянсовое блюдо, – ему следует крепче держаться на коне и побыстрее проскакать Адамово ущелье.

– Молчи, несчастный! – воскликнул ласковый хозяин. – Ах, сеньор путешественник, разве сейчас найдешь подходящего слугу!.. Ты что не видишь, Уго, что его милость французский офицер? Я готов поспорить, что он потерял своего коня в каком-нибудь овраге... Наши дороги, ваша милость, это настоящее Божье проклятье! Как вы отнесетесь к куску свинины, запеченному на решетке, или к мясу, жареному на сковороде? А еще у нас имеется испеченный моей женой кукурузный пирог, знаменитый на всю округу... Падрона, поднимайся, мое сокровище. Надо затопить печь и угостить гостя, посланного нам святым Антонием.

В соседнем помещении послышался шум. Там, несомненно, находилась кухня, дверь которой оставалась полуоткрытой.

– Останетесь довольны, сеньор, – уверил хозяин. – Сейчас встанет моя хозяйка, и сразу все будет готово. Уверяю вас, что вино у нас самое лучшее. Такое ни за какие деньги не купишь. Свинину мы, будто нарочно, получили только вчера. Давай, Уго, брось на угли охапку сухой лозы. Не видишь, что ли, что дворянин трясется от холода? Иди и пни как следует эту бездельницу Лилию. Пусть просыпается и спускается в погреб. Нам всем надо поторопиться. Я хочу, чтобы господин француз даже в Париже рассказывал, как хорошо его приняли в нашем бедном доме!

Уго наконец оставил в покое фаянсовое блюдо и полотенце цвета чернил. Побег лозы разгорелась на тлеющих углях, а в кухне громко загудела затопленная печь. Все складывалось как нельзя лучше. Сезар повернулся спиной к огню, затем повернулся к нему лицом и с довольным видом наблюдал, как от его униформы валит пар.

Тем временем ласковый хозяин сновал между кухней и столовой, Уго накрывал на стол, а Лилиа, девочка печальная и бледная, но очень красивая, принесла кувшин с полученным накануне вином. Она поставила его на стол и забилась в угол.

В углу было темно, но Сезар разглядел ее большие черные глаза, следившие за ним с каким-то странным интересом. Впрочем, ему не было никакого дела до этой девчонки. Гораздо больше его интересовал Уго, который вновь схватил свое фаянсовое блюдо и стал усердно его тереть. Действия здоровяка Уго были такими же, как и у девочки: он так же пялил на капитана свои дикие воспаленные глаза, но делал это лишь тогда, когда считал, что на него никто не смотрит.

Коротышка хозяин скрылся за дверью кухни и через мгновение вернулся, держа в руках стакан, с которого капала вода. Протянув его Сезару, он с неизменной улыбкой сказал:

– Благородный кавалер, я сам помыл ваш стакан и предлагаю вам перед ужином отведать этого великолепного южного вина.

Сезар уже открыл рот, чтобы сказать: «Дорогой хозяин, с моей стороны отказа не будет», но тут его взгляд неожиданно упал на маленькую Лилию, забившуюся в темном углу. Девочка приподнялась, и ее очаровательное личико вышло из тени, черные глаза светились, а взгляд был очень красноречивым. Жест ее пальца, вытянутого в направлении кувшина, был настолько властным, что уже не требовалось никаких слов. Казалось, она хочет командовать: «Не пейте!»

Сезар был крайне удивлен, но его улыбка по-прежнему оставалась безмятежной.

– Во Франции, дружище, никогда не пьют перед едой, – объявил он со всей доступной ему простотой. – Это противоречит правилам гигиены.

На бледном лице девочки показалась улыбка.

Ласковый хозяин поначалу нахмурился, но, совладав с собой, сказал:

– В каждой стране свои обычаи. Ваша милость может выпить и во время еды.

В этот момент распахнулись приоткрытые створки кухонной двери, и показалась хозяйка. Она несла оловянное блюдо, на котором дымились куски жареной свинины. Сезар с первого взгляда узнал эту женщину, которую он, впрочем, ни разу в жизни не видел, и от всего сердца поздравил себя с тем, что подчинился безмолвному приказу девочки, которая уже успела положить голову на колени и притвориться спящей.

Хозяйка оказалась высокой, крепкой и была сложена, как мужчина. Когда она улыбалась, были видны ее ослепительно белые зубы, поражавшие своими огромными размерами. Она заметно косила на оба глаза, а ее рыжие волосы были заплетены в шесть косичек, каждой из которых за глаза хватило бы любой женщине.

Сомневаться не приходилось, ранее услышанное описание оказалось абсолютно точным. Это была та самая галисийка, Барбара Мунос, которая проткнула вилами бедного старого еврея из Каталяуда, она же кошмарная хозяйка «Убитого быка» и любовница бандита Урбана Морено.

Господа, в ту пору капитану Сезару было всего двадцать два года, но он уже немало повидал на своем веку. На улыбку галисийки он ответил улыбкой и радостно всплеснул руками при виде долгожданного оловянного блюда.

– За стол! – воскликнул он и забросил в угол свои шляпу и плащ.

– За стол! – повторила хозяйка, ставя блюдо на скатерть.

– Пресвятая Дева, – добавила она, – какой славный сеньор! Отдайте мне все, что помешает вам спокойно поесть, отдайте ваши пистолеты, ненужные в этом мирном доме, вашу шпагу и остальные принадлежности. Располагайтесь, как вам будет угодно...

Чтобы слово не расходилось с делом, она протянула руки, намереваясь забрать у капитана его оружие, но тот остановил ее, развязно схватив за подбородок.

– В каждой стране свои обычаи, прекрасная хозяйка, – сказал он, продолжая улыбаться. – Во Франции все эти принадлежности не мешают нам есть с большим аппетитом.

Уго продолжал невозмутимо тереть фаянсовое блюдо грязным полотенцем. Хозяин и хозяйка обменялись взглядами, после чего галисийка пробормотала:

– Как пожелаете, сеньор. Я хотела как лучше.

– А я чрезвычайно благодарен вам, хозяйка... Ну что ж, попробуем ваш ужин.

Капитан уселся, изобразив на своем лице полное спокойствие. Бросив мгновенный взгляд на девочку, он не заметил никакого предупредительного сигнала и положил себе на тарелку два изрядных куска свинины. Затем он сам отрезал себе хлеба и стал есть, не скажу, что с большим аппетитом, но и без отвращения. Беспокоило его одно лишь вино.

Хозяин и хозяйка отрезали себе по куску хлеба и положили на хлеб по куску мяса, взяв его с блюда капитана, но вино себе налили из отдельного кувшина. Ели они стоя и запивали еду вином. Между делом хозяйка сказала:

– Вино из Роты³⁶, которое мы вам подали, не предназначено для таких бедных людей, как мы.

– За здоровье благородного кавалера! – прожевав кусок, провозгласил коротышка хозяин.

Сами понимаете, джентльмены, что отступать капитану было некуда. Дай он малейший повод, и сразу прозвучал бы сигнал к атаке, причем из трех возможных нападавших двое – Уго и галисийка – представляли серьезную опасность. К тому же невозможно было понять, был ли в доме кто-нибудь еще, и не прятался ли кто-нибудь на кухне.

³⁶ Знаменитое испанское десертное вино из прибрежного города Рота в провинции Кадис.

Капитан наполнил свой стакан. Девочка вновь выставила вперед палец.

– Прошу вас, хозяйка, уберите лампу, – сказал капитан. – У меня неважное зрение, и я с трудом переношу свет. За ваше здоровье.

Он разом осушил стакан как раз в тот момент, когда хозяйка загоразивала лампу кувшином. Уго, прекративший тереть блюдо, чтобы все как следует разглядеть, тяжело вздохнул, увидев, как исчезло содержимое стакана, после чего вновь принялся орудовать своим черным полотенцем.

– Сеньор, – со смехом заметила галисийка, – это хорошо, что вы не переносите свет, потому что лампа скоро погаснет, а у нас в доме нет ни капли масла и ни единой свечи... Конечно, у нас здесь не то, что в парижских гостиницах, где, как говорят, всего вдоволь... Хватило бы только масла в лампе, чтобы отвести вас в вашу комнату.

– Идти недалеко, – отозвался ласковый хозяин, – я сам отведу его милость... А что вино? Как вы его находите?

– Вино божественное.

– Ну, так пейте вдоволь. За полный кувшин мы берем столько же, сколько за стакан.

Судя по великолепному запаху, вино и вправду было отличное. Но капитан мог судить только по запаху, поскольку воспользовался приемом, которому обучился в Германии, и, когда передвигали лампу, вылил вино себе за пазуху. Прием этот, конечно, наивный, и после него вся грудь становится мокрой, но в ту ночь капитан меньше всего боялся вымокнуть.

Ему пришла в голову очевидная мысль предложить хозяевам выпить вместе с ним отравленный нектар. Но, подумав, он решил, что это ни к чему. Ведь если он прижмет их к стенке, то такой шаг лишь ускорит страшную развязку. А пока обстановка оставалась спокойной, сохранялась слабая надежда, что все обойдется, и было бы лучше это спокойствие не нарушать.

Он осушил второй стакан, потом третий, каждый раз выливая вино за пазуху. Когда дело дошло до четвертого стакана, Уго подбросил блюдо в воздух и поймал его перед тем, как поставить в посудный шкаф. Казалось, что у этого здорового парня заметно улучшилось настроение.

Что касается хозяина и хозяйки, то они буквально млели от удовольствия. Галисийка заявила, что будет помнить его всю жизнь, а ласковый коротышка-хозяин пообещал, что до своего последнего часа будет молить за него Пресвятую Богородицу и всех святых.

Тем временем огонь лампы начал мигать. Капитан встал и отодвинул тарелку.

– Последний стакан, благородный иностранец, за ваше здоровье! – воскликнула хозяйка.

– В каждой стране свои обычаи, хозяйюшка, – ответил Сезар. – Мы, французы, утолив жажду, уже больше не пьем.

– Тогда веди его, муженек, – скомандовала хозяйка. – Офицер, разумеется, доверит мне свои пистолеты, которые я просушу, и свою шпагу, которую я отполирую.

Сезар, расслабленный и веселый, как хорошо подкрепившийся солдат, немедленно ответил:

– Никто, кроме меня, никогда не прикоснется ни к моим пистолетам, ни к моей сабле.

– Я лишь хотела доставить удовольствие его милости. Вперед, Мунос, не то лампа погаснет.

То ли в лампе действительно закончилось масло, то ли галисийка незаметно сжульничала, но помещение действительно неожиданно погрузилось во тьму. Сезар решил, что наступил критический момент и изготовился. Его мокрая сабля скрипнула, покидая ножны.

В этот момент чья-то холодная рука коснулась его руки, и детский голос шепнул:

– Не сейчас.

– Что вы делаете, сеньор, что вы делаете! – закричал в ту же секунду коротышка-хозяин. – Разве можно убивать несчастного хозяина гостиницы за то, что в его погребе нет запаса масла? Возьми головешку, Уго! Посвети его милости, пока не случилось несчастье.

Уго раздул угли, и они осветили проход в коридор, который вел в спальню. Сеньор Мунос пошел впереди, а за ним с клинком в руке последовал капитан.

Пока они шли по узкому, сырому и темному проходу, задевая локтями за стены, из кухни доносился голос хозяйки, смеявшейся над трусостью своего Муноса.

Отсмеявшись, она сказала:

– Лилиа, марш в свою конуру, бездельница! Теперь все мы будем спать до самого утра.

Коридор, несомненно, был самым удобным местом для нападения. Капитан изготавился к нападению сзади, догадываясь, что на каждом шагу его может поджидать засада. Но ласковый хозяин спокойно довел его до спальни, которая оказалась просторной и хорошо проветренной комнатой.

– Да простит вам Господь все ваши прегрешения, – сказал он, пропуская капитана вперед. – Мы люди небогатые, но живем, как добрые христиане. Спокойной ночи. Завтра утром допьете свое вино... Ваша кровать слева... Не желаете ли что-нибудь еще?

Услышав отрицательный ответ капитана, хозяин вновь пожелал доброй ночи и исчез за дверью. Капитан остался один. Первым делом он решил убедиться в том, что в комнате никто не прячется. Для этого он исследовал на ощупь все стены, ткнул в каждый уголок саблей и только тогда составил окончательное представление о помещении, в котором ему предстояло выдержать осаду. Он был один, совсем один. Враг не мог прятаться внутри этих стен.

Но где он все-таки находился? На этот счет у него были большие сомнения, которые нисколько не поднимали ему настроение. Что касается действующих лиц, то тут все было очевидно: ужин ему подавали Барбара Мунос собственной персоной и ее муж. Но ведь он прошел по горам не меньше четырех лье и даже успел выйти на равнину. А значит, «Убитый бык», это логово семейства Мунос, должен был остаться далеко позади. И откуда взялась привидевшаяся ему в ночи деревня со всеми этими домами и колокольней?..

Понятно, что в ущелье Пенас не могло быть никакой колокольни.

А что, если семейство Мунос нашло себе новое логово? В горах ведь не часто встретишь гостиницу. Могли ведь муж и жена Мунос, разбогатевшие после ограбления старого еврея, построить для своего разбойничьего промысла новое логово, более правильно расположенное, в которое им легче заманивать свои жертвы.

Постепенно глаза капитана привыкли к темноте. Внезапно он заметил слабый луч света. Обернувшись в ту сторону, откуда исходил свет, он увидел окно, сквозь которое пробивались первые рассветные лучи.

Чтобы осмотреть саблю и перезарядить пистолеты, требовался более яркий дневной свет. На всякий случай капитан выглянул в окно. К тому времени гроза уже закончилась. По проясневшему небу бежали последние облака, а где-то за горами еще слабо светился стареющий диск луны.

Не было сомнений, что перед глазами капитана предстал тот же самый пейзаж, который он смутно разглядел в ночной тьме. Все те же дома и та же колокольня... Но теперь в свете луны стало ясно, что кажущиеся дома были всего лишь причудливо расположенными скалами, а пригрезившаяся колокольня оказалась тощим тополем, росшим между двумя камнями внутри складки горных пород. Это было ущелье, суровое темное ущелье Пенас, к которому, словно ручьи, текущие в бездну, вели все горные дороги и тропы.

Он открыл окно, решив, что, во избежание теперь уже неминуемого нападения, самым правильным было бы сбежать из этого дома. Но снаружи капитан увидел резко обрывающуюся площадку, на краю которой и был построен дом. Сразу за площадкой находился обрыв глубиной не менее двадцати туазов. Чтобы преодолеть такую кручу понадобились бы крылья.

Прямо над обрывом раскачивалась вывеска, скрип которой на ржавых петлях он слышал в ночи. На вывеске было изображено гигантское животное, мохнатое и рогатое, лежавшее

в луже крови, а на черном фоне белыми буквами были написаны слова, после прочтения которых сердце само уходило в пятки: «Убитый бык».

VI Бандитский притон

– Так я и знал! – воскликнул Новый Мост, как только сеньор Педро остановился, чтобы перевести дыхание.

– Черт поberi! – поддержал его Тулузец. – Теперь он наверняка найдет в комнате труп, положит его на кровать и накроет одеялом, чтобы нападающие набросились не на него, а на мертвое тело. Что ж, это неглупо!

– Это слишком старый прием, – возразил ему Милый Августин. – Думаю, что, скорее всего, он свяжет простыни и спустится на них с балкона.

– Или возьмет и заберется на крышу, – предположил Морен. – Мы пользовались такой уловкой, когда, будучи в Баварии, пошли в разведку и попали в плен... Послушаем продолжение. Испанец и вправду неплохой рассказчик.

– Вы полагаете, сержант, что так все и было на самом деле? – спросил Никчемный. – И неужели где-то вправду стоит это самый «Убитый бык»?

– Я думаю, что так бы и было в этой стране вралей, если бы не капитан Фантом, который способен перепрыгнуть через шестиэтажный дом и пролезть в замочную скважину... А теперь я всем приказываю умолкнуть!

– Господа, – сказал гонец, продолжая свой рассказ, – только что я представил вам одного из главных персонажей нашей истории. Согласно легенде, с именем капитана Фантома связаны его многочисленные влюбленности, но одновременно известно, что у него имелись две очень чистые, я бы сказал, рыцарские привязанности, которые нисколько не конфликтовали между собой. Я имею в виду его нежные чувства к кузине, Бланш де Кабаниль, и к одной восхитительной незнакомке, которая прошлой зимой вскружила голову всему Мадриду. С Бланш де Кабаниль нам еще предстоит познакомиться, а другая барышня нам уже знакома...

– То есть как? – удивился Красный Дик. – Вы имеете в виду ту бледную девочку?..

– Девчушку из гостиницы? – уточнили несколько голосов.

– Лилиа!

– Ну да, джентльмены, Лилиа... И отважные французы, которые оказывают мне честь, слушая меня с исключительным вниманием, за которое я им благодарен, могут подтвердить мои слова... Уверен, что все они уже слышали это имя.

– Слышали, черт поberi! – дружно ответили пехотинцы.

А Милый Августин, подкрутив ус, добавил:

– При всем уважении, которое я испытываю к лейтенанту и всей честной компании, не могу не подтвердить, что отзывы о ней были самые благоприятные...

– Так же, как и о капитане Фантоме, – многозначительно добавил Морен. – Судя по всему, это две стороны одной и той же тайны. При этом упомянутая вами особа – это реальная молодая дама во плоти, красивая, как богиня, и одетая лучше самой королевы. Уж я-то знаю, потому что однажды вечером стоял в карауле у королевского дворца...

– У дворца короля Жозефа? – спросил кто-то из присутствующих.

– Именно так.

– И эта особа направлялась к королю?

– Такое возможно, потому что она вошла в кабинет короля, оставив дожидаться в приемной одного маршала Франции и двух испанских министров... И никто из них даже не пикнул...

– Мы еще вернемся к этому вопросу, – перебил его сеньор Педро. – А пока что обратимся к Сезару де Шабанелю. Как утверждают его биографы, он был человеком необузданного темперамента и отличался редкой храбростью, но согласитесь, что в том положении, в котором он оказался, и перед лицом грозивших ему опасностей трудно оставаться невозмутимым.

Итак, Сезар самым тщательным образом зарядил свои пистолеты и привел в порядок клинок в ножнах, после чего начал размышлять о том, что ему стоило бы предпринять. В первую очередь, следовало терпеливо ждать. По его оценке, злоумышленники должны были оставить его в покое где-то на час, а то и на два, чтобы как следует подействовал опиум или яд, подмешанный в вино. План действий врагов был ему ясен как день, и для этого не обязательно было обладать даром ясновидения.

Испанские бандиты становятся смелыми, лишь когда речь заходит о спасении собственной жизни. Кроме того, они исключительно ленивы, как, впрочем, и вся испанская нация. Что касается хозяев гостиницы, то они несмотря на свой численный перевес, для надежности решили воспользоваться еще и отравленным вином, а еду не стали сдабривать ядом лишь по той причине, что сами хотели отведать дорогое лакомство.

Следовательно, им надо было предоставить гостю возможность либо спокойно умереть от яда, либо, в случае одурманивающего зелья, заснуть мертвым сном. Сам Сезар даже не догадывался о том, что именно было подмешано в вино, потому что ни один атом ядовитого пойла не попал в его желудок.

Минут десять он мерил шагами комнату, наблюдая за тем, как медленно светлеет небо-склон. Как вы сами понимаете, его ни разу не посетила мысль о том, чтобы улечься в постель. Через десять минут он рухнул в кресло, а затем резко вскочил, чтобы забаррикадировать дверь. При этом он думал: «Если их не больше пяти, то я непременно с ними разделаюсь: двоих убью из пистолетов, а троих зарублю саблей...»

В этот момент кто-то тихо поскребся в дверь, которую он только что перекрыл комодом. Сезар взвел курок одного из пистолетов и задержал дыхание.

– Сеньор иностранец, – послышался чей-то тихий голос, – сеньор иностранец!

Сезар не стал отвечать. Меньше всего он помнил в тот момент о маленькой Лилии.

– Сеньор иностранец, это я... которая пальцем подавала вам знак... Иисус-Мария!.. вы что, спите или выпили вина, несмотря на мое предупреждение?

Капитан сразу все понял. Он отодвинул комод и открыл дверь. Лилиа вошла в комнату и сразу кинулась к кровати. Из груди у нее вырвался крик ужаса. Сезар тоже подошел к кровати, которая пока еще не привлекала его внимание. Она была пуста, а темное покрывало казалось нетронутым. Лилиа конвульсивным движением схватила руку капитана и заставила его прикоснуться к простыне.

– Здесь мокро, – сказал Сезар, содрогнувшись от отвращения.

– Вы уже третий за эту ночь, – тихо выдавила из себя Лилиа сквозь плотно сжатые зубы.

– То есть как? Что значит, третий?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.